

КРИС ХЭДФИЛД

ОРБИТА СМЕРТИ

СОЧЕТАНИЕ САСПЕНСА,

РЕАЛИСТИЧНОГО ЭКШЕНА

И ЗОЛОТОГО ВЕКА КОСМОНАВТИКИ

ДЖЕЙМС КЭМЕРОН

fanzon

Fanzon. Зона Икс

Крис Хэдфилд
Орбита смерти

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

Хэдфилд К.

Орбита смерти / К. Хэдфилд — «Эксмо», 2021 — (Fanzon. Зона Икс)

ISBN 978-5-04-184641-1

Автор и астронавт Крис Хэдфилд представляет этот триллер и «захватывающее путешествие» в темное сердце космической гонки времен «холодной войны». 1973 год. Последняя, сверхсекретная миссия на Луну. Три астронавта на крошечном космическом корабле, в четверти миллиона миль от дома. В четверти миллиона миль от помощи. НАСА собирается запустить «Аполлон 18». Миссия была объявлена научной, но диспетчер полета Каз Земекис знает, что есть и скрытая цель. Разведка обнаружила секретный спутник-шпион, и только у «Аполлона-18» есть единственный шанс его разрушить. Каз всеми силами борется за то, чтобы экипаж НАСА был на шаг впереди своих соперников, но несчастный случай открывает, что не все участники программы являются теми, за кого их принимали. Когда политические ставки достигнут критического уровня, Белому дому и Кремлю останется только наблюдать, как их астронавты столкнутся на поверхности Луны, далеко за пределами досягаемости закона или помощи спасателей. Полный захватывающих технических подробностей, которые так понравились поклонникам «Марсианина», и напоминающий о захватывающей клаустрофобии, сюжетных поворотах и саспенсе «Охоты за "Красным Октябрем"», «Орбита смерти» — это триллер с высокими ставками, не похожий ни на один другой. Крис Хэдфилд запечатлел яростные перегрузки при запуске, ледяное одиночество космоса и страх покинуть космический корабль, вращающийся вокруг Земли со скоростью 17 000 миль в час, так, как может только тот, кто испытал все это в реальной жизни. Пристегнитесь и начинайте обратный отсчет! «Коммандер Хэдфилд отправляет нас в захватывающее путешествие в альтернативное прошлое. Никто не напишет лучше об астронавтах, кроме самого астронавта!» — Энди Вейер «Книгу нельзя пропустить. В романе Криса Хэдфилда есть подлинность, потому что все, что он описывает, он действительно видел». — Фредерик Форсайт

«"Орбита смерти" — захватывающий детективный технотриллер, написанный человеком, который сам бывал в космосе и прекрасно разбирается в деталях этой деятельности. Если вам скучно читать мемуары, но вы хотите узнать больше о космонавтике полувековой давности, то книга Хэдфилда — для вас. Главное, помнить, что это всё-таки фантастика!» — Антон Первушин «В романе есть что-то для каждого. Дерзкий космический полет, политическая интрига, шпионский триллер и старый добрый юмор — все это в одной захватывающей истории!» — Space Explored «Хэдфилд использует свой опыт астронавта, чтобы добавить достоверности и реализма своему роману. Поклонникам Клайва Касслера и Энди Вейера понравится эта книга, сочетающая военную фантастику, детектив и технотриллер». — Library Journal

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-184641-1

© Хэдфилд К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Часть I	10
1	10
2	15
3	19
4	21
5	24
6	27
7	34
8	39
9	41
10	44
11	48
12	51
13	54
14	58
15	63
16	67
17	69
18	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Крис Хэдфилд Орбита смерти

Посвящается Хелен, которая своими руками соорудила разноцветный стол и с любовью оборудовала рабочее пространство, где я мог писать эту книгу. Итак, вперед, в погоню за нашими мечтами, с любовью, вместе.

Многие из этих персонажей реальны. Много из этого случилось на самом деле.

Chris Hadfield
THE APOLLO MURDERS

Copyright © 2021 by Chris Hadfield

В коллаже на обложке использована фотография:
© Serrgey75 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© К. Сташевски, перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог

Чесапикский залив, 1968

Я лишился левого глаза прекрасным осенним утром, когда на небе не было ни облачка.

Я летел на F-4 «Фантом», большом, тяжелом реактивном истребителе по прозвищу «Двойной Урод»; его носовая секция недавно была модифицирована под размещение шпионских камер. Носовой конус имел теперь форму луковицы, воздух обтекал его иначе, и мне поручили тестовый полет над Чесапикским заливом для перекалибровки датчиков системы измерения скорости.

Я любил полеты на «Фантоме». Стоило поддать тяги, как моя спина тут же ощущала могучий напор, а когда я равномерно отводил назад ручку управления, нос истребителя задирался в вечную синеву. Мне казалось, что я стал пилотом огромного крылатого динозавра, чьи непринужденные трехмерные грация и свобода побуждали счастливо смеяться.

Но в тот день я держался низко, у воды, стараясь точно оценивать темп. Сравнивая показания циферблатов кокпита с данными, которые техники получали по замерам моего маршрута с берега, можно было обновить калибровку аппаратуры самолета и определить влияние новой формы носа.

Я повернул маленькую рукоятку слева от себя и сказал через кислородную маску:

– Захожу на финальный пролет, пятьсот пятьдесят узлов.

В гарнитуре шлема раздался трескучий голос старшего инженера:

– Принято, Каз. Мы готовы.

Я резко повернул голову, высматривая маркеры подхода – большие отражающие оранжевые треугольники на шестах, торчащих из воды. Заложил «Фантом» влево, потянул на себя, поворачивая и выходя на заданный маршрут близ поверхности, и поддал газу, чуть-чуть не дотягивая до форсажа, устанавливая скорость равной пятистам пятидесяти узлам. Девять миль за минуту или, что эквивалентно, почти тысяча футов за каждое тиканье секундной стрелки часов.

Я продолжал снижаться к заливу, а деревья на береговой линии справа размывались. Нужно было пролететь прямо перед измерительными камерами на высоте точно пятьдесят футов над водой. Бросив мимолетный взгляд, я оценил свою скорость в пятьсот сорок узлов, а высоту – в семьдесят пять футов, так что еще немного поддал газку и едва заметно переместил ручку управления вперед, после чего полетел горизонтально. Первый маркер пронесся мимо и улетел вдаль из-под моего носа. Я нажал кнопку и произнес:

– Готово.

– Принято, – слышалось в ответ.

Я собирался было отрапортовать о том, как миновал вторую башню, и тут увидел чайку.

Всего лишь серо-белое пятнышко, но прямо впереди по курсу. Первым велением инстинкта было бросить ручку управления вперед, чтобы увернуться, но в пятидесяти футах над водой это скверная мысль. Мускулы кисти и кулака сжались, ручка застыла в неподвижности.

Чайка тоже поняла, что произойдет, и, повинувшись выработанному за миллионы лет птичьей эволюции инстинкту, нырнула, чтобы уйти от опасности, да поздно было. Я-то летел куда быстрее любой птицы.

Мы столкнулись.

Техники в измерительной башне так внимательно наблюдали за аппаратурой, что и не заметили этого. Они, верно, удивились мимоходом, отчего я не произнес во второй раз «готово» и потом, пролетев мимо третьей башни, «отметка взята», но остались сидеть за приборами, пока старший инженер спокойно передавал:

– Сбор данных завершен, Каз. Отличный полет. Увидимся.

В кокпите столкновение ощущалось сокрушительным. Чайка врезалась в кабину передо мной и чуть слева, и лобовой щит из плексигласа разлетелся на куски, точно в него гранату швырнули. Мне в лицо и грудь ударил всей своей мощью ветер на скорости в пятьсот пятьдесят узлов, разметал внутренности чайки и плексигласовые осколки, откинул меня на спинку катапультного кресла, а потом принялся трясти в страховочной сбруе, точно тряпичную куклу. Я ничего не видел, но вслепую тянул за ручку управления, уходя от воды и ввысь.

У меня в голове звенело после того, что мне показалось жестоким тычком в левый глаз. Я быстро и напряженно заморгал, но зрение не улучшалось. Самолет взбирался в небеса, и я сбавил прыть двигателя до средних оборотов, замедлился, навалился на страховку, убирая лицо от натиска ветра, приподнял руку, чтобы протереть глаза от склизкой дряни. Я их старательно протирал, влево-вправо, и правый глаз удалось прочистить ровно настолько, чтобы стал виден горизонт. «Фантом» медленно кренился вправо, продолжая набирать высоту. Я переместил ручку управления, выравнивая самолет, снова протер глаза и покосился на перчатку. Светло-коричневая кожа была пропитана ярко-красной свежей кровью.

Держу пари, не вся эта кровь чайкина.

Я стянул перчатку и ощупал лицо, продолжая сражаться с яростными ударами ветра. Правый глаз вроде в порядке, но левая щека разодрана и онемела, а левым глазом я вообще ничего не видел, и там жутко болело.

Дыхательная маска из плотной зеленой резины все еще прикрывала нос и рот: спасибо за это тяжелым пристежкам у челюсти, удержавшим ее на шлеме. Однако темно-зеленое забрало исчезло: в какой-то момент столкновения и ветрового удара его сорвало. Я потянулся назад и нахлобучил шлем, поелозил им на голове, центрируя заново. Мне нужно было с кем-то поговорить. И быстро.

– На помощь, на помощь, на помощь! – завопил я, стуча по кнопке связи скользким от крови большим пальцем. – Это «Фантом-665». У меня столкновение с птицей. Фонарь кабины разбит. – Я плохо видел и не мог сменить частоту, оставалось надеяться, что команда наблюдательной башни все еще слушает. В кокпите так ревело, что если ответ и последовал, то я не расслышал его.

Кровь продолжала перетекать в правую глазницу, я то вытирал ее, то крепко зажимал запястьем левую; так удавалось видеть достаточно, чтобы удержаться в полете. Я взглянул на береговую линию Чесапикского залива внизу, стараясь сориентироваться. Под левым крылом просматривался характерный контур устья Потомака, и я повернул к базе, двигаясь вдоль мэрилендского побережья к привычным и уютным взлетно-посадочным полосам Патаксент-Ривер.

Птица врезалась в «Фантом» слева, значит, понимал я, часть образованных столкновением ошметков могла угодить в двигатель и повредить его. Я напрягся, разглядывая аппаратуру: во всяком случае, никаких желтых индикаторов опасности незаметно. *Одного двигателя и так хватит*, рассудил я и начал заход на посадку.

Я резко наклонился влево, воздушный поток стегнул меня по лицу, и кровь теперь не могла заливать здоровый глаз. Я снова заорал в маску:

– На помощь, на помощь, на помощь! «Фантом-665», захожу на экстренную посадку, аварийная ситуация, полное торможение, полоса 31.

Я надеялся, что меня кто-нибудь слушает, а другие самолеты уберутся прочь с дороги.

Приближалась Пакс-Ривер. Я отвел руку от левого глаза и поставил рычаг управления двигателем на холостой ход, сбавляя скорость, чтобы безопасно выдвинуть шасси. Указатель воздушной скорости передо мной тоже расплывался, но я выбрал момент, когда, по моим предположениям, стрелка уползла ниже двухсот пятидесяти, после чего ухватился за большой красный рычаг шасси и рывком отправил его вниз. «Фантом», как обычно, заскрежетал и завиб-

рировал, колеса выдвинулись и закрепились на своих местах. Я резко подался влево, опустил предкрылки и закрылки.

Ветер в кокпите не стихал, для меня он был все равно что торнадо. Я продолжал крениться влево; проведя напоследок по правому глазу рукой и вытерев кровь, я сбавил обороты на две трети, снова закрыл кровоточащую левую глазницу ладонью и выровнял истребитель.

У F-4 на лобовом стекле фонаря кабины есть маленькие яркие фары, они загораются красным, когда угол при заходе на посадку взят верный, а еще при этом раздается обнадеживающий звуковой сигнал ровного тона. Благословляя инженеров «Макдоннелл Эйркрафт» за предусмотрительность, я кое-как пошел на финальное снижение. Восприятие глубины отказало, я нацелился примерно на треть расстояния вниз по ВПП и прикинул темпы сброса скорости, как уж смог. Земля по обе стороны полосы вздыбилась и ударила меня. Бам! Я очутился внизу и потянул за рычаг выпуска тормозного парашюта, продолжая отчаянно шуриться в попытках удержать «Фантом» приблизительно посередине полосы.

Я отвел ручку управления до самого колена, помогая воздушному торможению семнадцатитонного истребителя, и что есть сил надавил на тормоза, стараясь фокусировать взгляд на дальнем конце полосы. Было похоже, что полоса заканчивается чересчур быстро; я приподнялся и встал на тормозные педали, одновременно оттягивая на себя ручку.

А потом все внезапно закончилось. Истребитель, дернувшись, замер, движки работали вхолостую, я увидел, как на ВПП вылетают желтые машины пожарной службы, направляясь ко мне. Должно быть, кто-то услышал мои призывы по радио. Машины выстроились у самолета, я поменял ладони на поврежденной глазнице, потянулся к рычагу управления двигателем, щелкнул переключателями и заглушил оба двигателя.

Откинулся в катапультном кресле и закрыл здоровый глаз. Адреналин словно вытекал из тела, но оставалась жесточайшая боль, пылавшая, будто костер с центром в левой глазнице. Остальная часть меня была онемевшей, тошнотворной, мокрой от пота насквозь, совершенно безвольной.

По борту «Фантома» скрежетнула лестница машины начальника пожарной охраны. А потом я услышал его голос рядом.

– Господи Иисусе, – произнес он.

Часть I На Луну

1

Хьюстон, январь 1973

Все плоско.

Плоско, насколько хватает глаз.

Самолет только что опустился ниже облаков, а в мглистом влажном воздухе Южного Техаса расстояния будто укорачивались. Каз наклонился вперед, чтобы как следует разглядеть свое новое место работы. Он почти четыре часа провел в кресле «Боинга-747», и при этом движении у него затрещала шея. Внизу раскинулся индустриальный лабиринт нефтеперерабатывающих заводов и прибрежных кранов, по которому змеилось судоходное русло. Каз коснулся иллюминатора лбом, наклоняя голову в попытке проследить, где оно впадает в Галвестон-Бэй: блестящие просторы маслянисто-коричневой воды продолжали расширяться, переходя в Мексиканский залив, смутно различимый сквозь смог на горизонте.

Не место для сада.

Пока самолет снижался к ВПП, Каз отмечал каждую из небольших коррекций курса, выполняемых летчиками, и безмолвно оценивал их мастерство до самой посадки, когда шины закрипели о гудрон Хьюстонского международного аэропорта. *Ненлохо.*

Его ждал автомобиль, взятый напрокат в «Авис». Он перетащил набитый чемодан и рюкзак в багажник, а сверху аккуратно уложил гитару.

– У меня слишком много барахла, – пробормотал он, но подумал, что все равно через несколько месяцев переезжать в Хьюстон, вот он и упаковал то, что, по его предположениям, могло понадобиться.

Каз покосился на часы, показывавшие теперь местное время – воскресный послеполуденный трафик вряд ли плотный, – и забрался в машину. Поворачивая ключ в зажигании, он заметил название модели на брелоке. Улыбнулся. Для него арендовали серебристый «Плимут Сателлит».

* * *

Несчастный случай стоил Казу не только глаза. Лишившись стереоскопического зрения, он потерял и медстраховку – вместе с работой летчика-испытателя и кандидата в отряд астронавтов с перспективами полетов по программе MOL – военной пилотируемой орбитальной лаборатории, разведывательной космической станции. Работа и мечты исчезли в кровавом вихре перьев.

Флотские послали его на учебу, чтобы приходил в себя и разбирался в космической электрооптике, а затем начали использовать его опыт в национальной безопасности и разведке. Ему нравилось, что работа сложная, а его догадки влияют на решения политиков, однако за бывшими армейскими летчиками, летавшими в программе «Аполлон» и ходившими по Луне, он следил с тихой завистью.

Но вот вечно переменчивая вашингтонская политика привела его в Хьюстон. Президенту Ричарду Никсону досаждала предвыборная горячка: в некоторых округах считали, что космическая гонка уже выиграна, пора бы об инфляции и безработице подумать – а оба показателя только росли. Минобороны точило зуб на Никсона: вьетнамская война оканчивалась не

пойми чем, да и отмену программы MOL ему до сих пор не простили. Национальное управление военно-космической разведки убедило Никсона, что их новые спутники «Гамбит-3» серии «Кихоул» лучше и дешевле астронавтов на космической станции справляются с фотошпионажем.

Никсон, однако, был профессиональным политиком и без труда отыскал перспективный для себя компромисс: еще один полет на Луну для американской публики, но за счет Минобороны с его обширными бюджетными ассигнованиями.

«Аполлон-18» теперь финансировался из средств Пентагона, так что миссию эту переосмыслили как первую чисто военную для Америки, а выбор секретной цели передали на усмотрение ВВС США. Флотские послали в Техас ответственным координатором именно Каза, с его редким сочетанием навыков: пилота-испытателя, участника программы подготовки MOL и Вашингтонского сотрудника разведки.

И дали задание за всеми приглядывать.

Пока Каз ехал на юг по трассе I-45, его одолело желание зарулить между делом в Центр пилотируемых космических полетов НАСА, но вместо этого он направился чуть дальше на запад. Перед отлетом из Вашингтона он кое с кем созвонился и подыскал поистине отличное местечко рядом с городком под названием Перланд. Следуя указателям, он ехал в сторону Галвестона, пока не свернул с главной магистрали у съезда на дорогу FM528.

Земля тут была именно такая плоская, как ему виделось с высоты: по обе стороны двухполосной дороги грязновато-зеленые коровьи пастбища, никаких заправок, никакого движения. Нужный ему указатель поворота оказался таким маленьким, что Каз его чуть не пропустил: *Добро пожаловать на «Ранчо Полли».*

Он свернул на грунтовую дорогу, под шинами захрустели ракушки. Звук этот сменился быстрым ритмичным ворчанием, когда «плимут» проехал через воротца для скота, обустроенные посреди дороги: налево и направо вдаль уходило ржавое ограждение из колючей проволоки. Вглядевшись вперед, он увидел два одиноких домика на невысоких холмах: перед ближайшим был припаркован грузовичок. Он выехал на другую подъездную дорожку, покосился в зеркало заднего вида, проверяя, ровно ли сидит стеклянный глаз, и распахнул дверцу. Поднимаясь, он выгнул затекшую спину и потянулся на счет «три». Слишком много лет довелось ему просидеть в жестких катапультных креслах.

Два домика были новенькие, выстроенные в стиле ранчо-бунгало, но гаражи у них оказались странно высокие и широкие. Каз огляделся – дорога на несколько тысяч футов абсолютно прямая. *Идеальная.*

Он направился к дому, у которого стоял грузовичок, и пока шел по ступеням крыльца к передней двери, та отворилась. Вышел мускулистый человек компактного телосложения в выцветшей зеленой нейлоновой рубашке-гольфийке, голубых джинсах и коричневых сапогах с острыми мысками. На вид ему можно было дать лет пятьдесят с небольшим, сидящие волосы коротко подстрижены, лицо покрыто ранними морщинками. Наверное, это и есть его новый домовладелец, Фрэнк Томпсон, который по телефону отрекомендовался как бывший пилот «Эвенджеров» с Тихоокеанского ТВД и нынешний командир самолета «Континентал Эрлайнс».

– Вы Каз Земекис?

Каз кивнул.

– Я Фрэнк, – сказал тот и протянул руку: – Добро пожаловать на «Ранчо Полли»! Вы без труда нас отыскали?

Каз пожал руку мужчины.

– Да, спасибо, вы дали отличные указания.

– Секундочку, – произнес Фрэнк и исчез в своем доме. Вышел он уже с блестящим, бронзового цвета ключом, потом повел Каза вниз по ступеням и по молодой траве между домами.

Отпер переднюю дверь дома, предназначенного Казу, отступил на шаг и передал тому ключ, позволяя войти первым.

Длинный, постепенно понижавшийся потолок объединял под собой гостиную, столовую и кухню. Пол вымощен терракотовой плиткой в стиле сальтильо, много окон и в передней, и в задней части, повсюду темные деревянные панели, коридор ответвляется влево – надо полагать, к спальням. В воздухе еще держался запах лака. Дом полностью меблирован, идеально подходит под его потребности. Казу понравилось. Он так и сказал.

– Давайте посмотрим на лучшую комнату этого дома, – предложил Фрэнк. Пройдя в дальний конец гостиной, он отворил здоровенную деревянную дверь и щелкнул выключателем.

Они шагнули в полноразмерный ангар: шириной пятьдесят футов и длиной шестьдесят, с потолком четырнадцатифутовой высоты. Впереди и позади – гаражные двери, наверху ряды флуоресцентных ламп, пол гладкий, бетонный. В центре ангара, под сияющими светильниками, расположилась безукоризненная, бело-оранжевая, полностью металлическая «Сессна-170В», легко опираясь на консольное переднее шасси и хвостовое колесо.

– Фрэнк, какой прекрасный самолет! Вы уверены, что доверяете мне летать на нем?

– Учитывая ваши навыки? Да что за вопрос! Хотите, поднимем его сейчас для проверки? Единственным возможным ответом был утвердительный.

Когда Фрэнк нажал кнопку и отворил гаражные двери, Каз загнал арендованное авто в заднюю часть ангара, и они вытолкали «Сессну» наружу, а потом на дорогу.

Вместе быстро все проверили. Каз занялся топливом, сцедил немного в прозрачную пробирку – нет ли примеси воды? Аккуратно вылил в сорняки на обочине. Залезли в кабину, Фрэнк зачитал вслух простой перечень пунктов проверки: завели двигатель, проверили давление и температуру, панель управления. Каз дал задний ход, выруливая в дальний конец дороги, где та упиралась в рошу. Коснулся левого тормоза, потом поддал газу, и самолет плавно развернулся, выравниваясь по длинной узкой полосе.

Проверив зажигание, Каз выжидательно вскинул брови и посмотрел на Фрэнка; тот кивнул. Плавно нажав на дроссельный рычаг до упора, Каз окинул взглядом приборы; ноги его плясали на педалях руля направления, удерживая самолет точно посередине двадцатифутовой полосы. Голова и туловище его постоянно раскачивались влево-вправо: так Казу удавалось обозревать оба края полосы единственным здоровым глазом. Он удерживал штурвал управления на полный вперед, отрывая хвост от земли, потом плавно отклонил его назад; «Сессна» без труда поднялась в воздух на скорости пятьдесят пять миль в час. Они летели.

– Куда? – спросил он, вынужденно повысив голос, чтобы перекричать шум двигателя. Фрэнк махнул рукой, показывая вперед и вправо, Каз выполнил разворот с креном, уходя в сторону от двух домов, и полетел на восток. Пролетел над FM528, возвращаясь поперек магистралей I-45, и во второй раз за день увидел на горизонте коричневый залив Галвестон-Бэй.

– Вон там вы будете работать! – крикнул Фрэнк, показывая вперед и влево. Каз покоился в ту сторону через боковое стекло и впервые увидел Центр пилотируемых космических полетов НАСА – опорную базу программы «Аполлон», тренировочный центр для астронавтов и ЦУП. Комплекс оказался намного крупнее, чем он ожидал: сотни акров зелени тянутся к западу, десятки прямоугольных зданий, белых и бледно-голубых, в окружении парковок – преимущественно пустых, ведь дело было на выходных. В центре всего этого раскинулся длинный зеленый парк, расчерченный перекрещивающимися прогулочными дорожками, которые соединяли между собой все окрестные постройки, и утыканный круглыми прудами.

– Напоминает университетский кампус! – прокричал он, отвечая Фрэнку.

– Они его специально так спроектировали, чтобы можно было вернуть Университету Райса после окончания лунных полетов, – откликнулся Фрэнк.

Не-не, не спеши, сказал себе Каз. Если все сделать правильно и «Аполлон-18» выполнит задачу, то, как знать, не сломают ли Военно-воздушные силы Никсона и на «Аполлон-19»?

* * *

Каз поставил дроссельный рычаг на холостой режим, выключил впрыск топлива – двигатель «Сессны» покашлял и затих, а впереди внезапно стал виден деревянный пропеллер. Каз принялся отключать электронику, щелчки казались неестественно громкими.

– Чудесный самолет, Фрэнк, – проговорил он.

– Вы его пилотировали лучше, чем я. Полоса узкая, а вы с первой попытки справились, будто и нет никаких сложностей. Рад, что пташке найдется применение – я-то слишком часто отсутствую. Для двигателя так будет лучше.

Фрэнк показал Казу, где у гаражной стены находится топливный резервуар, они вставили в него длинный шланг и наполнили крыльевые баки. Сразу за дверью висел планшет, на котором Каз записал дату, время полета и количество израсходованного топлива. Они посмотрели на затихший самолет, разделив в это мгновение безмолвную радость полета. С тех самых пор, как стал легчиком, Каз проникся мнением, что место не понять, не увидев его с воздуха, точно ожившую карту под собой. Словно третье измерение добавляло ключевую компоненту, выстраивало в голове интуитивное ощущение пропорций.

Фрэнк произнес:

– Я вас оставляю, обустройтесь, – и пошел к себе. Каз опустил дверь гаража за ним и принялся разгружать машину.

Тяжелый чемодан он перетащил по Г-образному коридору и поставил на кровать в большей из спален, с удовлетворением отметив ее «королевские» габариты. Покосившись влево, он обнаружил рядом большую ванную комнату.

Ощущение было странноватое, точно после заезда в гостиницу; он расстегнул чемодан и стал вытаскивать вещи. Два костюма, серый и черный, и клетчатую спортивную куртку повесил в шкаф. Туда же отправилось полдюжины рубашек с воротничками – белых и светло-синих, а также слаксы и два галстука. Пара вечерних туфель и пара кроссовок «Адидас». Повседневную одежду и тренировочный костюм сложил в низкий комод, туда же – носки и трусы. Две книги и дорожный будильник расположил на столике у кровати. Наборы для бритья и ухода за глазами – на столике в ванной комнате.

Последними он извлек из чемодана выцветший оранжевый костюм летчика ВМФ и кожаные ботинки. Коснулся черно-белой нашивки на плече: ухмыляющийся череп и скрещенные кости – эмблема эскадрильи VF-84 «Веселые Роджеры», из тех времен, когда он летал на F-4, стартуя с палубы авианосца «Индепенденс». А сразу под нею – гораздо более формальная нашивка курсанта школы летчиков-испытателей, которую он окончил лучшим на курсе. Он провел большим пальцем по золотистым крылышкам авиатора – добытая тяжким трудом, неотменяемая мера самооценки. Потом поднял летный костюм, водрузил на плечики, повесил в шкаф и поставил под ним коричневые летные ботинки на шнуровке.

* * *

Каза разбудило тарыхтенье будильника на столике у кровати; когда он заморгал на рассвет, ему показалось, что стеклянный глаз будто бы засыпан песком. Первое утро на берегу Мексиканского залива в Техасе.

Каз поднялся с кровати и пошлепал по холодившему босые ноги каменному полу в ванную. Справив нужду, он посмотрел на себя в зеркало и постарался оценить увиденное. Шесть футов, сто семьдесят три фунта (*ох, нужно бы весы прикупить*), темно-каштановые волосы, бледная кожа. Родители его были литовскими евреями и бежали из своей страны от надвигающейся угрозы – нацистской Германии; в Нью-Йорк они эмигрировали, когда Каз был еще мла-

денцем. Лицом он походил на отца: широкий лоб, крупные уши, массивная челюсть, сужавшаяся к подбородку с легкой ямочкой. Густые темные брови над бледно-голубыми глазами: один глаз настоящий, один фальшивый. Окулист славно потрудился, подбирая его цвет. Повернув голову вправо, Каз придвинул лицо к зеркалу и слегка оттянул кожу на щеке. Шрамы все еще видны, но почти зажили. После нескольких операций (*пяти? шести?*) пластический хирург добился почти идеальной реконструкции глазницы и скулы.

Для правительственного служащего сойдет.

Он методично проделал утренний ритуал: пять минут растяжек, приседаний, упражнений для спины и отжиманий, напрягая тело, пока мышцы не заныли. Что инвестируешь, то и получаешь.

Ему стало полегче, он принял душ и побрился, потом почистил зубы. Полез в несесер для ухода за глазами, вытащил бутылочку с дозатором и откинул голову, выдавливая на искусственный глаз несколько искусственных слез. Быстро заморгал. Здоровый глаз продолжал смотреть на него из отражения: зрение 20/12.

Давным-давно, на отборе в летнюю школу, это немало впечатлило врачей. *Ястребиный глаз.*

2

Центр пилотируемых космических полетов

– Хьюстон, у нас проблема с электроснабжением ЛМ. – Пилот лунного модуля «Аполлона» Люк Хемминг говорил сдержанно, спокойно, докладывая о сути сбоя.

– Принято, Люк. Мы этим занимаемся. – Голос руководителя полетов, доносившийся из ЦУПа в 30-м здании Центра пилотируемых космических полетов, отличался таким же спокойствием, и в нем, как у Люка, звучала бесстрастная оперативность.

На приборной доске перед Люком горел ярко-красный индикатор сигнала общей тревоги – у самого иллюминатора, при посадке на Луну такой ни за что не пропустишь. Он нажал на индикатор, сбросив сигнал на случай дальнейших сбоев. На индикаторной панели в зоне отказов и предупреждений продолжали светиться разными оттенками еще несколько.

– Что ты наблюдаешь, Люк? – Командир экспедиции Том Хоффман наклонился посмотреть, и плечи их в тесной кабине соприкоснулись.

– Думаю, проблема в датчике напряжения, – предположил Люк. – Показывает нулевое напряжение или ниже предела чувствительности, но с усилителями вроде бы все в порядке. – Том глянул через его плечо на циферблаты и кивнул.

Экипаж не отключил микрофон, так что в ЦУПе их услышал капком¹ – старший оператор связи:

– Принято, Люк, мы согласны. Продолжайте подготовку к переходу на траекторию лунного полета.

Том и Люк снова стали возиться с оборудованием лунного модуля, пользуясь относительным спокойствием трех дней после запуска, в течение которых им предстояло преодолеть двести сорок тысяч миль в пространстве между Землей и Луной.

Люк вытащил карандаш из наплечного кармана и сделал быструю пометку в маленьком блокноте, который прикрепил к приборной доске. Он отслеживал ошибки по мере накопления, и регистрировать каждую было совершенно необходимо: иначе из головы вылетят, в особенности при отказе нескольких систем. Взрыв на «Аполлоне-13» лишь подчеркнул сложность хозяйства космического корабля и то, как быстро все может пойти наперекосяк.

Том сверился с набросанным от руки списком.

– Так. У меня тут клапан аварийного сброса залипает, размыкатель цепи не в той конфигурации, биомедицинская телеметрия шалит, а тут еще и датчик напряжения закапризничал. Думаю, нам все же НАДО продолжать выполнение программы полета – целиком. Хьюстон, вы согласны?

– Принято, «Бульдог». Мы посмотрим, что можно сделать с напряжением, и, наверное, вам потом что-то посоветуем, но да, вы по-прежнему следуйте по траектории выведения на лунную орбиту и высадки.

Это Люк, капитан морской пехоты, присвоил маленькому модулю название «Бульдог», в честь давнего талисмана Корпуса морпехов.

Том и Люк закончили проверку по контрольному списку, отключили ЛМ и выбрались через туннель, закрыв за собой шлюз.

Майкл Исдэйл, сидевший в пилотском кресле командного модуля, приветствовал их широкой улыбкой. Ему предстояло остаться на окологлуной орбите, а Тому и Люку – спуститься на поверхность.

---

¹ В оригинале – CAPCOM от Capsule Communicator.

– Я уже и перестал надеяться, что вы двое вернетесь, – сказал он. – Закуску приготовил. Подумал, вы наверняка проголодаетесь, это ж столько времени тяжелыми переключателями щелкать.

Том протиснулся мимо Майкла к своему месту слева, а Люк устроился справа.

– Как дела у «Персьют»? – спросил Том.

– Работает как швейцарские часы, – отвечал Майкл. Он, на правах летчика-испытателя ВМФ США, окрестил командный модуль. И, на правах первого в мире темнокожего астронавта, решил отдать должное пилотам-афроамериканцам Второй мировой, «летчикам из Таскиги», и их 99-й истребительной эскадрилье «Персьют».

– Закуска у тебя... незамысловатая, – сказал Люк, закидывая в рот крекер с квадратиком сыра.

– В НАСА это вместо армейских тостов с мясным соусом, – ответил Майкл. – Может, «Тангом» запьешь? – Телерекламе верить не стоило: астронавты перестали пить порошковый напиток «Танг» в космосе еще со времен полетов по программе «Джемини» в середине 1960-х. Один из первопроходцев как-то, умученный космической болезнью, выблевал его и доложил, что «Танг» еще мерзостнее, когда лезет обратно.

Том нажал кнопку передачи.

– Хьюстон, что у нас дальше?

– Пятнадцатиминутный перерыв, пока мы симуляцию перезапускаем. Потом повтор тренировки перехода на окололунную орбиту.

– Звучит соблазнительно, – ответил Том. Повернул заводную головку на часах, и команда «Аполлона-18» начала вылезать из тренажера командного модуля.

* * *

Каз, наблюдавший за их действиями через множество панелей поста инструктора в соседнем помещении, позволил себе на единственный миг задуматься, каково им там – в тренажере готовиться к экспедиции «Аполлона-18». Они с Люком и Майклом летали с Патаксент-Ривер, все в ту пору были летчиками-испытателями; до несчастного случая он их почти ежедневно встречал и почти ежевечерне пил с ними пиво. Следя, как эксперты создают команде одну проблему за другой – критически важно, чтобы Том, Люк и Майкл еще до старта проработали все возможные сбои и научились их устранять, – он с легким сожалением подумал, что подкинет сейчас им самую крупную пакость.

После душа Майкл и Люк направились напрямик обратно в тренажер, а Том задержался с инструкторами. Заметив Каза, он подошел к нему и расплылся в улыбке:

– Какими судьбами? Казмирас Земекис! А ты стал еще уродливей, чем мне помнилось.

Каз пожал ему руку и улыбнулся в ответ. Тома он не знал так же хорошо, как двоих других, но он с ним учился на одном курсе в школе летчиков-испытателей на базе ВВС Эдвардс, что в калифорнийской пустыне Мохаве.

– Рад встрече, Том, – проговорил он. – Вы трое хорошо поладили.

– Ага, мы доберемся туда. Эти наши мучители уж позаботятся нас натаскать.

Каз произнес:

– После тренировки мне нужно поговорить с вами. – Он сделал паузу. – Новая инфа из Вашингтона.

Том нахмурился. Сюрпризы ему не нравились, особенно как командиру будущей экспедиции. Он посмотрел на часы и резко кивнул:

– Хорошо. Но мне пора возвращаться. Увидимся на разборе полета.

* * *

Покидая тренажер и выходя из 5-го здания, Каз на мгновение остановился – запутался, где находится. Посмотрел на парковку перед собой и девятиэтажное прямоугольное здание справа, сличил это с увиденным сверху при пролете «Сессны». Повернул направо через открытый четырехугольный двор и направился к Центру управления полетами.

Снаружи ЦУП выглядел непримечательным трехэтажным зданием из оштукатуренного цемента, с затемненными от тexasского солнца окнами. Каз прошел по дорожке к входу: архитектор там не сильно напрягался выразить запрос нации на величественную космическую программу. Угловатые бетонные формы втиснуты между постмодернистскими кубами в стиле брутализма. *Фирменное правительственное уродство.*

Каз полез в карман спортивной куртки и вытащил новый бейджик НАСА, который ему выдали этим утром. Сидевший перед тремя тяжелыми серебристыми дверями охранник взял бейджик, сличил код здания и вернул.

– Добро пожаловать в ЦУП, – любезно проговорил охранник, нажав кнопку.

С громким щелчком открылась ближняя дверь. *Точно банковское хранилище*, подумал Каз. *Поглядим, что у них тут за сокровища.*

Увиденное им внутри произвело не большее впечатление, чем внешний вид здания. Бледно-серые коридоры, освещенные флуоресцентными лампами, практичный линолеум, блеклые распечатки фото Земли и Луны в дешевых черных рамках на стенах. Каз шел по стрелкам на маленьких указателях «ЦУП». Лифтов было два, на одном висела табличка «Не работает», и Каз, оглядевшись, предпочел подняться по лестнице.

Он предъявил бейджик очередному охраннику, сидевшему перед прочной на вид дверью; тот кивнул и оттопырил большой палец в сторону двери. Каз толкнул ее, потом налег сильнее: дверь оказалась еще тяжелей, чем он предположил. Аккуратно притворил за собой, стараясь не шуметь. И вдруг очутился в самом средоточии пилотируемых космических полетов – люди тут *работают*.

Он был в помещении со множеством бледно-зеленых пультов: установленные рядами, те поднимались все выше, точно в амфитеатре. Все рабочие места были обращены к трем большим экранам слева от Каза, сиявшим оранжево-желтой иероглификой чисел, акронимов и схем. Над каждым пультом Каз видел лицо, озаренное сиянием дисплеев и затуманенное вуалью сигаретного дыма. Специалисты носили полугарнитуру, чтобы слышать и радиопереговоры, и голоса соседей. На стенах висели эмблемы предшествующих космических полетов, вплоть до «Джемини-4».

Каз стоял и смотрел на работу команды ЦУПа, а те общались с экипажем будущего «Аполлона-18», который снова приступил к тренировке в 5-м здании. Казу попало на глаза знакомое лицо: летчик-испытатель тоже заметил его и помахал рукой. Каз проложил себе путь между пультами, стараясь не беспокоить операторов.

В итоге он очутился за пультом капкома, увидел Чада Миллера, командира дублеров «Аполлона-18», и пожал тому руку.

– Приветствуем в Хьюстоне, – негромко произнес Чад. – Ты с командой говорил?

Каз кивнул:

– Они хорошо справляются.

Двое с минуту наблюдали за работой вокруг. На большой центральный экран перед ними выводилась мультяшная графика «Персьюта». Корабль собирался уже скрыться за Луной, когда Чад спросил:

– Кофе хочешь?

Каз кивнул, и двое тихо покинули зал.

Чад Миллер, подобно остальным членам основного и дублирующего экипажей «Аполлона-18», был по профессии военный летчик. Ясные синие глаза, песочно-каштановые волосы, квадратные плечи, выпиравшие из лазурной рубашки поло с короткими рукавами, которую он аккуратно заправлял под ремень, перехватывавший узкую талию, – телосложение у него было компактное. Серые слаксы, коричневый ремень, коричневые же лоферы. Пока он разливал кофе в две белые эмалированные кружки, четко видно было, как работают сильные руки и плечевые мышцы. Крупноватые армейские часы он носил на левом запястье.

– Со сливками или сахаром?

– Ни то ни другое. Спасибо.

Чад передал ему кружку и отвел в небольшую комнату, где проходили разборы полетов. Они с Казом небрежно облокотились на длинный стол и расслабились. Они были знакомы шапочно еще со школы летчиков-испытателей, но Чад служил на базе Эдвардс, а Каз – в Патак-сент-Ривер, так что вместе им летать не доводилось. У Чада в тесном сообществе пилотов была репутация превосходного летчика, мастера руля и штурвала, не делавшего ни малейших поблажек ни себе, ни другим. Это качество, свойственное многим астронавтам, вызывало у Каза уважение. Чаду можно поручить ответственное дело.

Воспользовавшись паузой в разговоре, Каз задал вопрос, который дублерам ставили все:

– Думаешь, тебе лететь?

– Не-а. Том слишком здоровый бык, блин. – Чад рассмеялся. – И похоже, что восемнадцатый «Аполлон» станет последним. Мой последний шанс прогуляться по Луне накрылся. А я к этому стремился с детства.

Каз кивнул:

– Мне знакомо это ощущение. Моя карьера пилота любой сколько-нибудь топовой птички кончена. Флотские предпочитают двуглазых.

– Это не лишено смысла. Надеюсь, НАСА тебя пустит на заднее сиденье Т-38.

Каз согласился с ним, потом выглянул в приоткрытую дверь, не подслушивает ли кто в коридоре.

– Ты после симуляции на разбор полетов придешь?

Чад кивнул.

– Нам всем нужно будет кое-что обсудить. – Каз помолчал. – Русские не сидят сложа руки.

3

Берлин, 1957

В ризнице русского православного собора было очень холодно. Иеромонах Иларион поменял позу и подтянул воротник рясы выше, к затылку, радуясь, что этим утром позаботился о дополнительной поддевке.

Он сидел на высоком стуле и при слабом зимнем свете, сочащемся через ближний витраж, продолжал кропотливо разбирать неполный армейский список «волчат» – немецких сирот, которых после войны принимали к себе американские солдаты.

Получить ротапринтную копию этого перечня оказалось настолько трудно, что даже терпение иеромонаха едва не истощилось: больше года он блуждал в лабиринтах иностранной армейской бюрократии, превыше всего ставившей секретность. Иларион разослал девять писем по разным адресам – каждое для него старательно переводил молодой чтец, владевший английским, – и дважды встречался с клириком-экуменистом в берлинской миссии США. Дополнительно осложняло затею молчаливое недовольство американцев тем, как их солдаты после войны тысячами усыновляли и удочеряли детей в Германии. Америко-советские отношения в Берлине становились напряженней, и маневрировать было все сложнее.

Наконец список прислали ему по почте. Но когда он с колотящимся сердцем вскрыл конверт американской правительственной службы, то разочаровался, увидев, что личные сведения о приемных семьях вымараны цензурой. Потягивая чай, он медленно проводил пальцем по каждой странице: времени не жалел, вдумчиво анализировал каждое имя, пытался снова взять след, совсем остывший за дюжину лет с 1945 года.

Каждое утро Иларион возносил благодарственные молитвы за обретение новой жизни иеромонаха: было то простое и спокойное существование, способствующее глубоким раздумьям, надежно заслонявшее его от памяти о суровом детстве в военном Берлине и им лично виденных людских злодействах. Однако вина за потерю брата укоренилась. Он подвел покойных родителей, не сумев позаботиться о малыше, и теперь стремился его разыскать, а если тому потребуется помощь, предоставить таковую.

Рудиментарные познания иеромонаха в английском позволяли, по крайней мере, догадываться о значении каждой колонки: имя, пол, возраст, цвет волос и глаз, дата рождения (если известна), дата и место принятия в новую семью. Многие детки были так малы, что о них не приводилось иных сведений, кроме имени, а то и вовсе никаких. К великому счастью, до войны в Берлине русских жило мало: в основном эмигранты, бежавшие от коммунистов, подобные его собственным родителям. Он молча поблагодарил их за то, что дали сыновьям традиционные русские имена. Вероятно, окажется сравнительно несложно отыскать Юрия среди Гансов и Вильгельмов, хотя список не был отсортирован по алфавиту, а впрочем, по датам рождения или принятия в новую семью – тоже. Ему показалось, что данные надергали случайным образом из кучи разрозненных бумаг. Потом отца Илариона посетила другая мысль: разве можно понять, пропущена ли какая-то страница или запись об усыновлении? Он вздохнул и вернулся к работе.

Обнаружив, что рядом с пальцем оказалась строчка, описывающая мальчика по имени Юрий, он почувствовал, как перехватывает дух. Взгляд его недоверчиво заметался по странице. Неужели это тот, кто ему нужен?

Дата рождения неизвестна, возраст мальчика примерно семь лет. Дата усыновления – 1947, но Иларион не был уверен, означает ли это, что в тот год мальчика забрали из Берлина, или только то, что тогда были составлены документы. Брат его родился в 1935-м, значит, это не он: слишком мал. Однако Иларион позволил себе карандашом поставить рядом с записью аккуратный знак вопроса.

Он отыскал еще одного Юрия и снова поставил знак вопроса. Достигнув конца списка, он подытожил: четыре варианта, ни один не кажется идеальным. Потом осознал, что пропустил многих детей, для которых имен не приводилось. Немного разочаровавшись, он взялся за список снова, на сей раз обращая внимание на любого сироту около 1935 года рождения, усыновленного в Берлине. Теперь дело двигалось медленней, но спустя полчаса он снова добрался до конца списка. Быстро перелистав страницы, он насчитал двадцать три кандидата. И слегка покачал головой. Не «кандидата». Ребенка.

Отец Иларион прервался заварить себе еще чаю. Пока грелся чайник, он потянулся, разминая спину, и покрутил бедром, утишая боль в короткой своей ноге. Так он потерял Юрия. Иларион получил тяжелую травму, укладывая кирпичи на стройке, – ремеслу этому его обучил отец. Из госпиталя весточку маленькому брату передать не удалось, а к тому времени, когда Иларион снова добрался до подвального убежища для детей, Юрия уже не было, и вместе с ним исчезли единственная фотография матери и бережно хранимый ею медальон. В хаосе растерзанного войной города найти Юрия так и не удалось. Однако спустя годы, проведенные в поисках среди записей о смерти, он понял, что Юрия могли усыновить, и снова взялся за розыски.

Он поднес руки к чайнику, радуясь исходящему теплу, затем накрыл ими, уже согретыми, больное бедро: стоило ему попасть на холод или погоде перемениться, как кости снова начинали ныть. Чайник засвистел, Иларион вытащил жесткий бисквит из жестянки на полке, залил кипящей водой уже использованный ранее чайный пакетик и вернулся к столу.

Так, теперь вообрази себя детективом. Брат пропал в центре Берлина. Дата рождения – 1935-й, это точно; ему было тогда девять, но Юрий для своего возраста казался мал, и, возможно, власти записали его семилеткой или восьмилеткой. Глаза синие, волосы светло-каштановые: в этом Иларион тоже мог быть уверен.

Ему пришла в голову неожиданная мысль. Американцы могли по-разному записывать незнакомые имена. Не лучше ли проверить заново варианты написания имени Юрий латиницей? Он недовольно поджал губы при мысли о новых трудах, затем печально улыбнулся, когда ей на смену пришла цитата из бездонной сокровищницы его веры: «Пока сердце многих страданий не изведало, то скромности не научится»².

Монах снова взялся за перечень, выделяя предпочтительные варианты. Он решил остановиться на двух наилучших: оба Юрия с каштановыми волосами и синими глазами, возраст не менее семи лет и точно не больше одиннадцати. Поднеся к глазам два листка с наилучшими вариантами и внимательно изучив всю доступную информацию, он совершил открытие. Армейский цензор, вычеркивавший сведения о приемных семьях, потрудился недостаточно тщательно. Кое-где черные линии были тонки или неровны, позволяя догадаться о части скрытого текста. Иларион направился к окну, прижал распечатки к стеклу и начал переписывать все, что удавалось разобрать.

Он смог еще кое-что выяснить о приемных родителях, но, чтобы продвинуться дальше, ему потребовались бы помощь англоговорящего человека и географический атлас. Изучив дополнительно семь перспективных вариантов, он добавил новые факты к списку, который составлял сам. Теперь нужно обратиться к чтецу, владеющему английским, чтобы помог написать в Русскую православную церковь в Америке: переслать им список и просьбу связаться со священниками церквей, ближайших к вероятным местам жительства ребят. Пожалуй, можно рассчитывать, что местные священники запомнили случай усыновления кем-то в округе русскоговорящего сироты из Германии. В конце концов, это ведь возможность вернуть детей, считавшихся потерянными, в лоно церкви. Наделить их связью с русскими культурным наследием и верой. Исправить то, что покалечила война.

А ему – разыскать брата.

---

² Приписывается св. Фаддею Витовницкому.

4

Симферополь, УССР, 1973

Машина не отличалась красотой.

Серебристая приземистая ванна тяжело перекачивается на восьми шипастых колесах. Впереди смонтированы два научных инструмента, придавая ей сходство одновременно с луче-метом и рождественской игрушкой. Стереоскопическая пара телекамер выглядела как глаза омара.

И даже название скорей практичное, чем поэтичное: Луноход. Типичная посконная инженерия, соображения функциональности торжествуют над дизайном. Не сказать что красиво, зато чертовски надежно.

Луноход только что сел на Луну.

Обдумывая последовательность команд, которая должна была спустить устройство по пандусу и выкатить на поверхность Луны, Габдулхай Латыпов (для друзей – Габдул) вытер потные ладони о брюки. Поправил раскрытый на пульте справочник и похрустел костяшками толстых пальцев. Заново проверил, все ли индикаторы горят уверенным зеленым, затем потянулся к рукоятке штурвала и аккуратно взялся за нее. Подавшись вперед, он для устойчивости оперся локтями в пульт, посмотрел на экран и приступил к работе.

Едва ощутимо переместил рукоятку, нажал кнопку отправки команды и отпустил. Система передала электрический импульс через пульт на гигантскую тарелку антенны космической связи снаружи, обращенную прямо к Луне. Сигнал преодолел двести сорок тысяч миль пустоты за 1,25 секунды и достиг малонаправленной антенны Лунохода. С нее он был передан электронике, которая расшифровала его и на короткое время привела в действие все восемь колес.

Луноход слегка дернулся вперед и замер. Идеально натасканный пес даже вдали от дома продолжал подчиняться командам хозяина.

Пара камер сняла безжизненный пейзаж и переслала картинку обратно через четверть миллиона миль огромной антенне Габдула в Симферополь; нечеткое изображение проявилось на черно-белом телеэкране.

Спустя десять секунд после движения руки Габдул увидел, как Луноход перемещается.

– Живой! – торжествуя завопил он. И услышал сдавленные шепотки облегчения и восторга от сослуживцев сзади.

Габдул снова осторожно двинул рукоятку, на этот раз посылая более длинную команду согласно отработанному протоколу спуска машины на лунную поверхность. За работу!

* * *

Габдул вырос близ Симферополя на Крымском полуострове. Татарские корни давали о себе знать: густая темная шевелюра, широкие скулы, гортанные звуки многосложного имени. Подростком он стоял в крымских сумерках, зачарованно следя, как мчится по небу первый спутник – наглядное доказательство советского технического мастерства и превосходства над соперниками. Менее чем через четыре года Юрий Гагарин облетел Землю, и Габдул решил стать космонавтом. Как и миллион советских подростков вместе с ним.

Закончив школу, он пошел служить в ВВС, надеясь, что его пошлют в технический вуз получать образование в области авиационной инженерии, а потом... потом, мечтал он, в летное училище. Однако происхождение постоянно ставило ему палки в колеса. Габдул считал, что история сталинской депортации двухсот тысяч крымских татар в Узбекистан после Великой Отечественной войны былшем поросла, но в армии предрассудки угнездились прочно – и

тем прочнее, обнаружил он, чем ближе к Москве. В бесклассовом обществе он, выходец из этнического меньшинства на окраине Советского Союза, стал человеком второго сорта.

Несмотря на то что Габдул окончил вуз с отличием, возможности неизменно выпадали другим студентам: ивановым и поповым. В поступлении в летное училище ему отказывали раз за разом. К двадцати пяти годам он, лейтенант ВВС, оказался младшим техником Центра дальней космической связи в Щелково на окраине Москвы.

Однажды его капитан заговорил с ним в курилке:

– Габдулхай Гимадутинович, – начал он официальным тоном, когда они стояли бок о бок, глядя через двойные стекла окна, как метель задувает вокруг массивных силуэтов антенных тарелок, – запускается новая программа, где нужны умные молодые инженеры-электронщики. Пока, тсс, все держится в секрете, но, похоже, это потребует много тренировок и поездок. Вы заинтересованы?

Капитан уже знал, как ответит Габдул.

Спустя несколько недель его вызвали в московское ОКБ-52³ для собеседования и экзамена. Он сидел в коридоре рядом с несколькими другими молодыми инженерами в ожидании, пока его вызовут; все прятало нервность под маской равнодушия. Собеседование проходило без обиняков: задавали вопросы о его карьере, семье, интересах. Отвечая, он сделал акцент на том, как гордится службой отца в армии и как всю жизнь мечтал служить советскому космосу.

Практические задания дались ему тяжелей и озадачили. Ему поручили управлять вилочным погрузчиком, перемещая машину по заданному маршруту на полу заводского цеха. Потом к погрузчику прицепили грузовик и заставили повторить, но теперь нужно было повернуть за угол. Габдул молча поблагодарил отца за уроки вождения, полученные еще в Симферополе.

Один из экзаменаторов сел на водительское место, и Габдулу показали на телеэкране, как перемещается погрузчик, а потом попросили отдавать водителю команды по радио. Задание усложнили, притушив свет и позволяя видеть картинку лишь раз в пять секунд: экран то прикрывали картонкой, то отводили ее. Он не вполне понимал, что именно проверяется, но пытался представить себя на месте водителя и говорить то, что хотел бы сам услышать в такой ситуации.

Никаких объяснений. Отпуская Габдула, экзаменаторы еще раз напомнили о запрете кому бы то ни было рассказывать о встрече с ними.

В неуверенности минула неделя. Потом капитан зашел в зал Центра во время его смены.

– Габдулхай Гимадутинович!

– Да, товарищ капитан?

Габдул встал, и сослуживцы покосились на него.

– Вы нас покидаете. Военно-воздушные силы Советского Союза в безграничной мудрости своей решили, что хватит вам общаться со спутниками. Через два дня вас ждут в Реутове⁴, в НПО имени Лавочкина. – Он посмотрел Габдулу прямо в глаза. – Мне не сказали, чем вы станете заниматься, так что это, должно быть, крайне важно. Настолько важно, что вы... – он порылся в кармане брюк и выудил два темно-синих погона с тонкой светло-голубой полосой и тремя звездами⁵, – повышены до старшего лейтенанта!

Он сделал шаг вперед, отцепил выцветшие погоны Габдула и заменил их новыми, еще жесткими. Отступил. Габдул изумленно отдал честь, капитан ответил тем же.

После этого капитан широко улыбнулся и, окинув взглядом присутствующих, возгласил:

---

³ В нашем варианте реальности Опытно-конструкторское бюро № 52 к тому времени называлось Центральным конструкторским бюро машиностроения.

⁴ По смыслу это должны быть Химки (Научно-производственное объединение имени С. А. Лавочкина разделили с реутовским ОКБ-52 заметно раньше описываемых событий), но так у автора.

⁵ Описание соответствует дизайну погон старшего лейтенанта ВВС России, принятому после 1994 года, советские погоны выглядели иначе и были желтыми.

– Ну, ребята, по сто грамм!
Как по такому поводу обойтись без водки?

* * *

Сначала новое назначение не показалось Габдулу особо значимым. В Реутове старший офицер приветствовал его и восемнадцать других новичков, потом прочел лекцию о секретности и отвел в чистый цех, где всем им, в шапочках и лабораторных халатах, полагалось стоять и смотреть, как техники собирают устройство, которое полетит на Луну. Офицер взмахнул рукой, обведя жестом приземистую (высотой почти с него) серебристую машину, и начал вещать о цели проекта, его сложности и их будущей роли в качестве команды дистанционного управления.

Габдул не знал, что и думать. Мечты о полете в космос рушились на глазах. Навеки. Но, быть может, гонять эту зверушку по Луне окажется занятно?

Когда отзвучали фанфары, на первом перекуре один из них высказал вслух то, что у всех было на уме:

– Водителями игрушечной машины будем? Я на такое не подписывался. Я-то думал, нас в отряд космонавтов...

Габдул посочувствовал, но отметил мысленно, что в группе он единственный татарин. И ощутил важность этого.

Вскоре несколько человек разочаровались и ушли из проекта. Остальным не давались удивительно сложные и кропотливые тренировки. Габдул все чаще испытывал нечто вроде гордости. Из двухсот сорока миллионов жителей Советского Союза лишь его и эту маленькую элитную группу отобрали для столь сложной работы. Сверхтяжелая ракета Н-1 раз за разом взрывалась, шансы советских космонавтов прогуляться по Луне таяли. А вот Луноход – настоящий, и он вскоре будет запущен в космос. Его дополнительно порадовало, что лунодром – имитатор лунного пейзажа и Центр управления строили у него на родине, в крымском Симферополе.

Уникальные вызов и шанс прославить свой род: крымский татарин в космической программе Советского Союза.

Пускай не суждено ему ступить на Луну, но это он, Габдулхай Латыпов, сын Гимадутина, потревожит лунную пыль шипастыми колесами.

Габдул стал исследователем Луны.

5

Вашингтон, округ Колумбия, 1973

Джим Шлезингер, как обычно, был в гневе.

Он стоял у окна своего кабинета на седьмом этаже, сердито взирая через бульвар Джорджа Вашингтона в сторону плотины Литтл-Фоллс на реке Потомак. Новый директор Центрального разведывательного управления стремился к переменам и находил их чересчур медленными.

– Ричардсон! – заорал он, отворачиваясь от окна. Секретаршу своего бесталанного предшественника он уволил в первый же день и теперь с интересом ожидал, кто явится ей на замену. Дверь открылась. Вошла высокая собранная женщина с блокнотом и ручкой.

– Да, сэр. – Мона Ричардсон за восемнадцать лет в управлении многих начальников повидала и быстро прикидывала, как эффективней всего сработаться с этим.

Директор ЦРУ и не взглянул на нее.

– Вы посмотрите на это! – рявкнул он, дергая подбородком.

Мона подошла и встала рядом с ним у окна.

– Вот там, по идее, должны были устанавливать дорожный указатель с эмблемой управления, – сказал он, глядя на движение. – Почему ничего не происходит?

– Я вчера связалась с Департаментом общественных работ округа Фэрфакс, сэр. Меня заверили, что указатель изготовлен в согласии с вашим запросом и сегодня его планируют установить. Я снова переговорю с ними.

Он развернулся и посмотрел на нее темными глазами из-под тяжелых бровей, потом покачал головой. Подумать только, указатель, который будет всем демонстрировать, где находится Государственное управление разведки!

– Пожалуйста, еще кофе мне принесите.

Мона кивнула и безмолвно ретировалась.

Шлезингер снова обернулся посмотреть на улицу. Полез в карман твидового пиджака, разыскал трубку и крепко стиснул ее зубами. Вытащил из другого кармана зажигалку и запалил табак, несколько раз пыхнул, медленно выдыхая через нос. Никсон, как обычно, оказался прав. Преторианская гвардия устаревших, предпочитавших узкий круг общения шпионов в кожаных туфлях, унаследованная им, служила сама себе и посторонних презирала. Тут нужна основательная прополка сорняков, и кому, как не ему, этим заняться.

Он повернулся к столу, взял с него лист бумаги и начал читать, пока курил.

Шлезингер уволил восемьсот тридцать семь человек, в основном из так называемого директората планов – рыцарей плаща и кинжала ЦРУ. Лично сообщил об увольнении двенадцати высокопоставленным служащим и поменял его название на «директорат операций». Прополка сухостоя. Он хотел убедиться, что эти люди не опозорят Никсона. И страну.

Работа в корпорации «РЭНД» и бюджетном комитете правительства наглядно показала ему, как технологии меняют мир. Соединенным Штатам старыми методами холодную войну не выиграть. Два года он руководил Комиссией по атомной энергетике и дополнительно проникся впечатлением от технологической мощи. *Взаимное гарантированное уничтожение?* Он только головой покачал. Безумцы, что с них взять! Америке нужно что-нибудь получше. ЦРУ стремилось выяснить пределы новой технологии, добыть разведанные, недоступные остальным странам мира. Пока не слишком поздно.

Он вернулся к окну и поднял глаза к синему небу. *Наши истребители и разведсамолеты тоже не слишком-то хорошо справляются. Мы просто делаем то же, что делали всегда. Кто-то должен как следует встряхнуть это болото. И пусть неудачники уйдут.*

Мона дважды стукнула в дверь и выдержала паузу, как ее и проинструктировали. Ничего не услышав, вошла со свежесваренным кофе и молча поставила поднос на столешницу. Бросила взгляд на нового шефа, продолжавшего смотреть вдаль. Высокий, с густой седеющей шевелюрой, широким лбом и подбородком с ямочкой. *Красивый мужчина. Жаль, что при этом – надменный ублюдок.*

Шлезингер обратился к ней, не удостоив взглядом:

– Свяжите меня с Сэмом Филлипсом.

* * *

В двадцати трех милях на северо-восток, на девятом этаже здания Агентства национальной безопасности – истинно уродской прямоугольной постройки на территории армейской базы Форт-Мид, генерал Сэм Филлипс разглядывал модель самолета, которая у него стояла на книжной полке в кабинете. Р-38 «Лайтнинг» – он на таком истребителе летал в войну над Германией.

Дизайн машины продолжал его восхищать. Большие сдвоенные двигатели «Эллисон V-12» с турбонаддувом выдавали тысячу шестьсот лошадок, вращаясь в противоположных направлениях для минимизации крутящего момента. Ему нравилось ощущение, возникавшее, когда выводишь движки на максимум, позволяя исполинам тянуть тебя ввысь, точно тракторам, все быстрее и быстрее. Он как-то раз достиг четырехсот миль в час: боезапас исчерпался, пришлось удирать от «Мессершмитта-109» к безопасным берегам Англии.

Склонившись к полке, он пристально взгляделся в модель – уже не впервые. И едва заметно покачал головой, любуясь эффектом: самолет будто исчезал при взгляде спереди, из встречного ветрового потока. *Неудивительно, что птичка эта носилась так стремительно.* Прекрасное, продуманное инженерное творение. Инженеры «Сканк уоркс» в «Локхиде» разделяли его взгляды. Результат – вот главное.

Он бросил быстрый взгляд на фотографию американского флага на Луне в рамке: экипаж «Аполлона-11» подписал ее для него. Нил Армстронг собственноручно: «Генералу Сэму Филлипсу с благодарностью: без вас этого флага здесь не было бы».

Пора возвращаться к работе.

– Вам звонят, генерал, – сказала секретарша из соседней комнаты. – На первой секретной линии директор ЦРУ Джеймс Шлезингер. – Миновал удар сердца. – Вы свободны?

Только этого мне не хватало. Он повздыхал.

– Да, Джен, давай его сюда, пожалуйста. – Бежевый телефонный аппарат на столе затревил, подчеркивая настойчивость вызова миганием индикатора при каждой трели. Он поднял трубку аппарата и нажал кнопку.

– Директор Филлипс.

– Сэм, нам нужно обсудить пару дел.

– Утро доброе, Джим. Чем могу помочь?

– Помочь? Это не мне нужно помочь. В России фиаско назревает.

Сэм Филлипс быстро размышлял. Какое еще фиаско? И при чем тут новый директор ЦРУ?

Потом догадался:

– Предстоящий пуск «Протона»?

Шлезингер громко выдохнул через нос:

– Ты знаешь. Что там твои ребята из РЭР говорят?

Филлипс покачал головой. АНБ снабжало данными радиоэлектронной разведки министра обороны, а не цэрэушников. Он слышал, что у Шлезингера амбициозные планы собрать все разведструктуры страны, включая военные, под крышей ЦРУ – под *его личной властью.*

Так или иначе, придется ввязываться в эту битву. Но в данный момент Филлипс предпочитал курс на осторожное сотрудничество, ведь президент лично выбрал Шлезингера.

– Ничего существенного не появилось после того брифинга в Белом доме с Объединенным комитетом начальников штабов.

В основном так и есть.

Он даже по телефону слышал, как у Шлезингера поднимается кровяное давление.

– Сэм, твоя работа заключается не в том, чтобы определять существенное и несущественное, а в сборе информации! Давай выкладывай, что там у вас из последнего.

Филлипс решил забросать собеседника не слишком важной информацией, надеясь, что тот удовлетворится и отстанет.

– Ты знаешь, что советские недавно высадили ровер на Луне, не предупредив загодя научное сообщество, где именно это произойдет. Они также заканчивают сборку и проверку своей новой орбитальной станции, которую официально нарекли «Салют-2». Ты знаешь, далее, что «Салют-1» пришлось свести с орбиты, когда восемнадцать месяцев назад на нем закончилось топливо. После того как экипаж «Союза», навещавший станцию, погиб при возвращении из-за неисправности, все корабли снабжения им пришлось припарковать.

– Мы полагаем, что «Салют-2» в действительности является военной разведывательной станцией под названием «Алмаз». Наши источники сообщают о необычных поставках оборудования, дополнительных мерах безопасности. Наилучшее предположение таково: они строят аналог того, что собирались создать мы в проекте MOL – по существу, большую пилотируемую разведывательную фотокамеру. Ее будут гонять вокруг шарика и рассматривать интересующие детали с беспрецедентно высоким разрешением.

Он услышал, как Шлезингер переводит дыхание, готовясь заговорить, и быстро закруглился:

– Мы не узнаем этого наверняка до самого запуска, пока не увидим, как «Алмаз» выкатывают по рельсам между площадками космодрома Байконур. У нас люди и аппаратура заняты отслеживанием, в особенности интересен этап установки станции на «Протон». По наиболее надежным сведениям, запуск пройдет в начале апреля. Итак, похоже, что «Аполлон-18» допустимо отправить в середине апреля.

Как он и надеялся, этой экспресс-информации Шлезингеру хватило.

– Ладно, Сэм. Мы с президентом хотим все знать в тот же момент, когда ты получишь визуальное подтверждение.

Шлезингер недвусмысленно намекал генералу Филлипсу, что он-то с президентом на короткой ноге.

– Если Советы выведут «Алмаз» на орбиту в апреле, – начал Шлезингер, – как же ты собираешься сохранить в тайне то, что происходит в Зоне 51? Они увидят все, что там припарковано на пандусе, а также, что важнее, испытания под «синим» кодом.

Пора нам разделить груз ответственности, подумалось Филлипсу.

– Согласен с твоим мнением, Джим. Нужно нам кое-что поменять. Используйте маскировку, фальш-макеты, не летайте в периоды, когда «Алмаз» над головой. Несколько раз за сутки он будет нам мешать, но не дольше чем на пять минут.

Шлезингер намек не уловил. В его восприятии не существовало никаких «нас» и «нам».

– У тебя имеется и другая возможность, Сэм.

Филлипс услышал, как зубы Шлезингера клацнули о дерево курительной трубки.

– А именно – лишить их шанса шпионить с орбиты за Соединенными Штатами и какими бы то ни было нашими проектами.

Повесив трубку, Филлипс поднялся и добрую минуту раздумывал. Потом снова взялся за телефон, чтобы позвонить Казу Земекису.

6

ЦУП, Хьюстон

Джин Кранц, стриженный почти под ежик, немногословный и компетентный, оглядел собравшихся в конференц-зале. В основном парни, несколько девушек. Его приписали к «Аполлону-18» руководителем полета. До старта всего три месяца; Джин подвел итоги дня, сообщив, что доволен тем, как в течение шестичасовой тренировки не произошло никаких крупных проколов ни у команды, состоявшей из новичков, ни у сотрудников ЦУПа. Джин исполнял обязанности руководителя еще в первой миссии «Джемини» и после шести успешных высадок «Аполлонов» на Луну относился к ним почти как к рутинным, хоть и знал прекрасно, сколько всего может пойти наперекосы.

– Вопросы есть? – произнес он.

Каз вскинул руку:

– Руководитель, можно поговорить с вами и командой после разбора?

Джин поочередно перекинулся взглядами со всеми техниками за пультами. Никто не подал виду, что удивлен.

– Конечно. Думается, можем прямо сейчас. Остальных отпускаю, всем спасибо.

Комната опустела – словно школьники после уроков разбежались. Остались только Том, Льюк и Майкл, основной экипаж, и Чад, командир дублеров. Они с Джином Кранцем выжидательно поглядывали на Каза, пока тот шел к доске, установленной в передней части помещения, и брал кусок мела.

– Все в курсе, что русские успешно посадили ровер на Луну, верно? – спросил Каз. – Так вот, они собираются запустить штуковину под кодовым названием «Алмаз», космическую станцию, которая предназначена исключительно для шпионажа, как должна была наша MOL.

Он повернулся и написал на доске крупными буквами «ALMAZ».

– По наилучшим нашим разведанным, фотокамера «Алмаза» способна без труда разглядеть объекты размером с небольшой автомобиль.

Он позволил им несколько мгновений осмысливать последствия этого для национальной безопасности. Все присутствующие были военными, включая Джина, летавшего на истребителях в Корейскую войну. Они знали и о секретных испытаниях на уединенных аэродромах: например, на калифорнийской базе Эдвардс и в Зоне 51, что в Неваде.

– Если верить нашим источникам, «Алмаз» подготовят к запуску в начале апреля. Экипаж не предусмотрен. Когда Советы убедятся, что станция полностью функционирует, туда пошлют космонавтов на «Союзе». И те начнут делать фоточки.

Каз помолчал, позволяя слушателям осмыслить и это, прежде чем перешел к описанию их собственной задачи:

– Объединенный комитет начальников штабов с согласия президента намерен использовать старт «Аполлона-18», чтобы понаблюдать за «Алмазом» на околоземной орбите вблизи, прежде чем советская команда доберется туда. ВВС уведомили НАСА только в пятницу, и меня послали сюда, чтобы как можно скорее ввести вас в курс дел.

– Так-так, стоп, – перебил Том, – а на Луну мы вообще собираемся?

В голосе его прозвучало раздражение.

– Да. – Каз повернулся к доске и начертил большой круг. – Земля, – показал он. Потом изобразил нечто вроде перекошенного хула-хупа вокруг нее. Показал туда, где высота обруча получилась максимальной.

– Советы запускают «Алмаз» отсюда, с Байконура, наклонение пятьдесят два градуса к экватору. – Он проследил кривую пальцем, показывая, где она опускается и уходит за земной

шар, а затем появляется снова с юга. – «Аполлону-18» необходимо перейти на эту орбиту, так что после старта придется вам вдоль флоридского побережья прогуляться.

– Это невозможно, – тут же ответил Джин. – Если «Сатурн-5» не запустить прямо на восток от мыса Кеннеди, то, Каз, дополнительной скорости от вращения Земли мы не получим. Восемнадцатый слишком тяжелый. Мы еле-еле укладываемся.

– Не спорю. – Каз быстро начертил эскиз ракеты «Сатурн-5», командного и лунного модулей «Аполлона», нагроможденных друг на дружку перед запуском. – Чтобы облегчить задачу, нужно сбросить все, без чего можно обойтись.

Он поставил крест на лунном модуле.

– Значит, в этом полете не будет экспериментов, и «Бульдог» проведет минимум времени на поверхности Луны. – И еще один крест, на внешней части «Бульдога». – Ровер не берем. – Каз по очереди посмотрел на каждого астронавта, потом зачеркнул командный модуль и ракету. – Минимум снаряжения в «Персьюте», да и «Сатурн-5» тоже ободрать придется. Нужно подойти творчески. Вашингтон ждет идей и от вас. Исходя из наилучших наших оценок, это можно сделать.

Майкл произнес:

– Давайте начистоту. Мы стартуем вдоль Восточного побережья, но на Луну не летим, а задерживаемся на земной орбите достаточно долго, чтобы отыскать этот... – он покосился на доску, – «Алмаз». – И перевел взгляд на Каза. – Мы там зависнем, картинок нащелкаем или еще что, а потом ПЕРЕЙДЕМ на отлетную траекторию? Или как?

– Верно, – подтвердил Каз.

Люк Хемминг недоверчиво проговорил:

– А чем же мы с Томом займемся на Луне, если эксперименты не предусмотрены и ровер мы не возьмем?

– Я вот только что собирался перейти к этому вопросу, – заверил его Каз. – Учитывая дополнительные затраты времени и топлива на перехват «Алмаза», ваше рабочее время на Луне сокращено. Оставлены лишь задачи с высшим военным приоритетом. И эти задачи недавно изменились.

– О боже! – проворчал Том, представив себе, под каким давлением экипажу придется жить следующие три месяца, причем неизбежные дополнительные уровни секретности его только усилят.

– Советы посадили свой Луноход в кратере Лемонье на окраине Моря Ясности. – Каз начертил второй круг, означавший Луну, и два кружка поменьше справа наверху, пометив их как «Ясн» и «Лем». – Примерно в сотне миль к северу от места прилунения «Аполлона-17». Не там, где, по предварительным заявлениям, Советы намеревались его посадить. Минобороны хочет, чтобы вы установили, почему русские туда подались.

Он посмотрел Тому и Люку прямо в лица:

– Итак, господа, вы направляетесь в Море Ясности.

Люк закатил глаза.

– Придурки! – пробормотал он.

– Итак, все сводится к двум новым главным целям, – сказал Джин. – Первая – рандеву и тесное сближение с «Алмазом», где мы должны зависнуть на время, достаточное для того, чтобы выполнить задание Минобра. – Он подумал мгновение. – Что они могут счесть успехом? Как глубоко придется маневрировать? И сколько времени нам нужно будет там провести?

– Около часа, возможно, двух, – ответил Каз. – Придется сжечь немного топлива, чтобы расположить «Персьют» в оптимальном для съемки положении. Успехом считается осмотр с близкого расстояния. Ничего такого, что Советы приняли бы за враждебные действия.

– После этого высаживаемся в... – Джин взглянул на доску, – кратере Лемонье, а там – сколько сеансов внекорабельной деятельности?

– По нашим прикидкам, кислорода и топлива хватит только на одну лунную прогулку, – ответил Каз.

Джин несколько секунд глядел в пространство, мысленно ведя расчеты. «Аполлон-13» не прикидками спасали.

– Посмотрим. Пока что планируем одну вылазку ВКД. Чего именно хочет Минобр от Тома и Люка на Луне?

Каз принялся загибать пальцы:

– Детальный осмотр местности. Сближение с советским Луноходом, осмотр его новейших приборов и попытка сделать выводы об их назначении. Взятие проб камней и пыли поблизости – что именно русских там заинтересовало?

– Майкл отснимет достаточно качественные фото, пролетая над той областью, – сказал Джин. – Мы опустим его орбиту как можно ближе к поверхности.

Майкл добавил:

– Мне для «Хассельблада» еще один телеобъектив потребуется.

Джин кивнул.

Каз окинул взглядом группу: все в глубокой задумчивости, пересматривают планы, обновляют варианты. *Словно пятерка высокоскоростных специализированных компьютеров.*

Том нарушил молчание:

– Каз, у меня более фундаментальный вопрос по операции. Кто предложил эту идею и кто в действительности главный?

Каз помолчал. Успех космических полетов, как и испытаний, зависит от того, уверена ли команда в своем руководстве. Эл Шепард, первый астронавт Америки, положил начало этой традиции, когда после многочасовых задержек, сидя на верхушке «Меркурия», спросил: «Почему бы вам не зафиксировать наконец вашу маленькую проблему и не поджечь свечку?» Нельзя летчику или астронавту заявлять в лицо, что их мнение значит меньше, чем мнения тех, кто дергает за ниточки. Или руководителю полетов. В особенности настолько опытному, как Джин Кранц.

– «Аполлон-18» должен выглядеть как можно более близким к нормальной экспедиции. Тренировками, проработкой, стартом, программой полета и возвращением, как обычно, станет руководить НАСА. Отличие лишь на уровне менеджмента. Дополнительно к вашему местному управлению полетами в Хьюстоне назначены представители от ВВС, АНБ и Белого дома. Всем им предстоит работать вместе. До конца этой недели соберутся представители от каждой организации, и в течение полета они будут здесь.

Чад, в ходе беседы безмолвствовавший, расхохотался. Каз понимал, что годы военной карьеры внушили этим людям глубокое недоверие к возне политических крыс, а особенно если еще шпионы из АНБ завязаны...

Люк покачал головой и попытожил ситуацию в духе морпехов:

– Разлет дерьма непредсказуем.

Том оглядел свою команду:

– Ну, ребята, это ведь на самом-то деле довольно интересно будет. Мы все равно сделаем то, ради чего тренировались, а в дополнение выполним вполне разумные задания – как для военных астронавтов. Нам выпадет шанс совершить то, чего еще ни один экипаж «Аполлонов» не проделывал: сближение с иностранной целью на орбите Земли и, говоря начистоту, военную разведку на Луне.

Чад вмешался:

– Все это потребует изобретательного маневрирования. В предыдущих миссиях всегда оставались резервы топлива, а в этой его явно до капли выработаем.

Он выразительно посмотрел на Майкла, пилота «Персьюта». Тот мрачно кивнул.

– Итак, Каз, что у тебя за роль во всем этом? – спросил Джин. – Сознавайся.

– Меня сюда направили как связного: я буду объяснять, что именно от вас нужно Вашингтону, и растолковывать вашингтонским, что в ваших силах. Моя задача, парни, в том, чтобы вы сконцентрировались на тренировках, пока я буду заниматься начальством.

На этот раз засмеялся Люк:

– Мешать им нам мешать.

Джин заговорил снова:

– Итак, Каз, тебе для работы нужно разбираться во всем. Мы с головой уйдем в детали, в проработку заданий и сообразим нечто, что можно так или иначе осуществить. Начиная с этого момента ты мне нужен в ЦУПе. Будешь при всех тренировках присутствовать.

Каз кивнул:

– Конечно, Джин. Я тоже это понял – и именно так сказал людям в Вашингтоне.

– Каз, говоря «людям в Вашингтоне», ты кого имеешь в виду? – спросил Том. – Сколько лет прошло после твоего несчастного случая над Пакс? Пять? Ты на кого, собственно, сейчас работаешь?

– Это сложный вопрос. Формально я по-прежнему в ВМФ. После выздоровления они мне оплатили обучение в Массачусетском технологическом. Но пока я там учился, ВВС начали со мной консультироваться напрямую по делам, относящимся к МОЛ и радиоэлектронной разведке. Кончилось дело тем, что я поучаствовал в нескольких проектах АНБ, меня вызывали в Белый дом и ЦРУ, я помогал оценивать советские космические инициативы. Я докладываю непосредственно заместителю начальника военно-морских операций и стараюсь, как могу, фокусировать свой единственный глаз на интересующей его общей картине, но много времени трачу и на другие организации.

Каз убедился, что сказанное привлекло всеобщее внимание, и добавил:

– И еще одно. Официальные брифинги с ребятами из НАСА начнутся здесь завтра. То, что я вам сегодня рассказал, останется между нами. Пожалуйста, даже своим женам не говорите.

Все кивнули. Женаты среди них были Джин, Том и Майкл.

Каз начал стирать меловые эскизы с доски, старательно удаляя все следы. Пока все идет хорошо, но он-то понимал, каким сложным окажется дело. И полагал, что из Вашингтона им и половины всего еще не рассказали.

* * *

Выруливая с парковки, Каз припомнил, что на «Ранчо Полли» ничего в холодильнике нет, и стал озираться в поисках ресторанов. Приметил низкое красное строение, настолько задрипанное, что, по впечатлению, его сюда вихрем из «Волшебника страны Оз» принесло. Парковка перед ним представляла собой просто открытый газон, хотя ранние клиенты ставили машины аккуратным рядком. Среди автомобилей обнаружился «Корвет Стингрэй», золотистый с черной каймой. Каз однажды видел такой в журнале «Лайф»: еще со времен программы «Меркурий» такие «корветы» дилер «Шевроле» продавал астронавтам за доллар, полагая, что это лучшая реклама. *Судя по всему, тут парень с «Аполлонов» харчуется.* Каз подкатил к закусочной.

Вылезая из машины, он заметил небольшую и нарисованную от руки вывеску «Юниверсал-Джойнт». И внизу: «Лучшие тexasские барбекю с 1965 года».

Отлично.

Вход преграждали распашные дверцы высотой Казу по бедра, выполненные в форме девушек-наездниц, с обивкой из красной искусственной кожи и с тяжелыми канцелярскими кнопками вместо пайеток. Он развел девушек и шагнул в плохо освещенный, весь какой-то неотесанный зал. Осторожно перемещаясь по неровному полу, он достиг длинной деревянной

барной стойки и оседлал стул с обивкой из того же красного дерматина. Музыкальный автомат громко играл, как раз приближаясь к мощному хоровому крещендо – «Eli's Coming» группы «Three Dog Night». Каз перехватил взгляд девушки за стойкой (ее волосы были собраны в конский хвост), показал на знак с эмблемой «Будвайзера», вскинул палец. Та кивнула, полезла в красный холодильник и, принеся ему бутылку, откупила. Сверкнула быстрой улыбкой, передавая Казу потрепанное заламинированное меню.

Двери за барной стойкой вели прямо наружу, и Каз понял, что кухня бара – это просто барбекюшница на углях, установленная на заднем крыльце. Покосившись в меню, он остановился на тexasском барбекю-чизбургере от «Юниверсал-Джойнт» со всем причитающимся. *Заказывай то, что у них лучше всего получается.* Он поймал взгляд официантки, поднял меню и показал на нужный пункт как раз в тот момент, когда композиция в автомате сменилась на «Horse With No Name». Пока готовили чизбургер, Каз сделал долгий глоток холодного пива, наслаждаясь тихой гармонией.

Деревянные стены «Ю-Джойнт» были покрыты наклейками из новейшей местной истории: хаотичный коллаж фоток космических экспедиций, групповых портретов экипажей астронавтов, риелторских объявлений и рекрутерских реклам ВВС – поблизости же Эллингтон-Филд. Манекен в шлеме и пилотском скафандре с надписью «Авиагонки в Рино» пылился под потолком. Группа техников НАСА, расслабляясь после рабочего дня, играла в карты при свете низко висевшей рекламы пива «Курс». В закуской преобладали маленькие столы с прямоугольными столешницами, за каждым – четыре дешевых стула, почти все заняты. Дерматиновые наездницы распахивались и запахивались. *Любимое местечко трудяг космонавтики,* подумалось Казу.

– Дженни, кофе, пожалуйста.

Каз повернулся на голос и обнаружил невысокого темноволосого мужчину в очках с черной оправой: тот облокотился на барную стойку со стороны слепого глаза.

Каз запомнил, что девушку с конским хвостом зовут Дженни. *Полезно такое знать.*

– Место занято? – спросил незнакомец.

– Все свободны.

Тот кивнул и опустился на стул.

Дженни принесла дымящийся кофе в эмалированной кружке цвета слоновой кости и поставила перед ним.

– Черный кофе, док, все верно?

– Ты выиграла. – Он оценивающе пригубил кофе, потом вместе с Казом принялся оглядывать зал.

– Отличное место, – высказался Каз.

Новый спутник некоторое время пристально смотрел на него.

– Вы Казимирас Земекис? – спросил он.

Каз изумленно кивнул:

– Мы встречались раньше?

Лицо незнакомца пошло морщинками от извиняющейся усмешки:

– Простите. Я Дж. У. Мак-Кинли, один из врачей, которые в НАСА отвечают за здоровье астронавтов. Нам прислали на выходных вашу флотскую медкарту, и, заметив, что у вас стеклянный глаз, я просто догадался.

Каз проговорил:

– Меня называют Казимирасом мои литовские тетушки, старые девы, и Налоговое управление Соединенных Штатов. Для всех остальных я – Каз.

– Рад встрече с вами, Каз. Меня зовите Джей-Даб.

Они подняли тост за знакомство, и Каз понаблюдал, как под рубашкой с пристежным воротничком перекачиваются плечевые мышцы доктора.

– Вы тяжелой атлетикой занимаетесь?

– Ровно столько, чтобы не разжиреть. В моей семье все мужчины – точно пожарные гидранты. – Он помедлил, в то время как Род Стюарт завел свою «Maggie May», потом добавил: – Пишут, что вам птица глаз выбила, а мне кажется, все было немного иначе.

– Чайка дорого за это поплатилась.

Обычная попытка уйти от расспросов с доктором не сработала. Дж. У. продолжал дружелюбно допытываться, и Каз обнаружил, что рассказывает ему о несчастном случае так, как не рассказывал никому другому, делится личными подробностями перенесенных операций и странностями жизни со вставным глазом.

– Вы отличный собеседник, доктор, – сказал он в заключение. – Ваш черед. Расскажите мне о себе.

Дж. У. усмехнулся:

– Да особо нечего рассказывать. Я со Среднего Запада, ВВС оплатили мою учебу на медика в университете, я немного поработал в травматологии, а последние четыре года служу в НАСА летным хирургом.

– Какой университет?

– Стэнфорд.

Лучшей рекомендации не найдешь.

– А травматология?

– Я восемнадцать месяцев в кливлендской клинике работал. Но по всему штату на вертушке мотался.

Каз негромко присвистнул.

– Готов побиться об заклад, вы такое видели, что волосы дыбом...

– Так точно. Автокатастрофы, пожары, перестрелки. Даже утопленников на озере Эри.

– А что привело вас в Хьюстон?

– Я люблю космос. – Дж. У. снова усмехнулся: – Четыре года с «Аполлоном» были чудесны.

Каз повернулся при резком, громком взрыве хохота. И увидел невысокого загорелого лысеющего человека с крупной щелкой между передними зубами, душу компании за столиком у стены.

Дж. У. проследил его взгляд.

– Это Пит Конрад, командир «Аполлона-12», человек, ходивший по Луне. Он тоже флотский. Вы его знаете?

– Думаю, я его «корвет» снаружи приметил. Он в НАСА ушел, когда я еще на курсах летчиков болтался. Я никогда не встречался с ним, но мне всегда казалось, будто я по его стопам слеую, с разницей в десяток лет. Ну, пока чайка не прилетела.

– Он в прошлом году из Т-38 катапультировался, – сказал Дж. У. – Ночью, в плохую погоду, потерял генератор, топливо кончилось при попытке дотянуть до базы Бергстром. На парашюте опустился в ста ярдах от главного здания базы. Ни царапинки.

– Лучше быть везучим парнем, чем хорошим. Или, как в случае Пита, совмещать.

Дж. У. бросил пристальный взгляд на стеклянный глаз Каза.

– И как же ты оказался в прекрасном приморском Хьюстоне?

– После несчастного случая флотские думали меня на транспортниках юзать, а я сказал: хрена с два – и попросился назад в школу. – Каз передернул плечами. – Меня послали в Масачусетский технологический, потом я в Вашингтоне кое-где зависал и, в общем, теперь тут, с экипажем Восемнадцатого буду работать.

– А что именно ты изучал в МИТ?

– У меня уже был диплом магистра по летному оборудованию, я его в Монтеррейском университете ВМФ получил. Мне очень нравилась наука, стоящая за сенсорами и электрооптикой, этим я и занялся в бостонской лаборатории имени Линкольна.

– Погоди-ка, у тебя, что ли, диссер в МИТ защищен?

Каз пожал плечами.

– И ты про Вашингтон еще говорил. А там ты чем занимался?

– Детали засекречены; короче, я к Агентству национальной безопасности прибил. –

Каз допил пиво. – Выяснилось, что директор АНБ в войну летал на Р-38 и возглавлял лунную программу НАСА все шестидесятые. Он заинтересовался моей работой.

Дж. У. уставился на него:

– Мать моя женщина! Ты говоришь о Сэме Филлипсе. Он настоящая легенда! Ты ему напрямую подчиняешься?

Каз с улыбкой кивнул:

– Но, тсс, не разболтай. Я для них всего лишь одноглазый недоастронавт, который попытается помочь «Аполлону-18» добраться до Луны.

Принесли чизбургер, и Каз осознал, как сильно проголодался. Но, прежде чем откусить, спросил:

– Будешь?

– Нет, мне домой пора. Ферни мне ужин горячим придержит. И двоих наших малышей уже покормила. – Дж. У. допил остаток кофе и слез со стула. – Приятно было с вами познакомиться, доктор Земекис.

Каз рассмеялся и занялся бургером.

– Взаимно, Дж. У.

7

Лунная карантинная лаборатория, Хьюстон

Каз чувствовал себя по-дурацки. Он запросил встречи с экспертами НАСА в восемь часов утра, желая обсудить вопрос о том, что именно Советам понадобилось на Луне, а теперь здание найти не может.

Он покосился на часы. *У тебя осталось шесть минут.*

Он вторично поехал по двухполосной выделенке внутри комплекса Центра пилотируемых космических полетов, выгибая шею в поисках постройки с нужным номером. Наконец в тени под навесом углядел искомое: крупные цифры 37. После этого сообразил, что промахнулся мимо парковки, и пришлось объехать вокруг квартала, разыскивая вход. Он быстро втиснулся на «сателлите» между двумя «фольксвагенами-жуками» не первой свежести (*ученые предпочитают «фольксвагены»?*), схватил сумку и побежал ко входу.

Он увидел, как в конференц-зал сразу рядом с главным вестибюлем стекается народ, и бросил взгляд в сторону висевших на стене часов бюрократического вида – черные стрелки на круглом белом циферблате. У НАСА пунктик на точном времени. Оставалось еще две минуты; он последовал за приглашенными внутрь и направился в переднюю часть зала, где поставил сумку на длинный фанерный стол, вокруг которого собрались ученые. Вытащив блокнот, Каз быстро проверил перечень вопросов, которые надеялся прояснить, потом вскинул руку, привлекая всеобщее внимание. В комнате затихли.

– Всем доброго утра. Меня зовут Каз Земекис. – Военское звание он опустил, понимая, что ученые не всегда позитивно относятся к таким деталям. – Я в прошлом астронавт программы MOL, а недавно правительство меня назначило своим связным в проект «Аполлона-18». Всем вам я благодарен за согласие посетить эту встречу.

Он окинул взглядом комнату, добиваясь зрительного контакта. *Больше растительности на лицах, чем обычно. И женщин больше обычного.* Он заметил Чада Миллера и кивнул ему: часть обязанностей командира дублирующего экипажа – ходить на брифинги, для которых у Тома Хоффмана времени не остается.

– Многие детали еще предстоит прояснить, а многие засекречены, но я бы хотел приступить к обсуждению по пересмотру научных вопросов миссии «Аполлона-18». Мне нужно срочно поумнеть в том, что касается лунных камней, и я слышал, что здесь для такого как раз самое правильное место.

За столом вежливо кивали и хмыкали. Лунная карантинная лаборатория была построена специально для того, чтобы держать в ней астронавтов на случай, если те привезли с Луны межпланетную заразу. Когда ни у кого из трех первых экипажей «Аполлонов» проблем не возникло и, больше того, выяснилось, что на Луне, в согласии с ожиданиями, отсутствует жизнь, даже примитивная одноклеточная, карантин отменили. Однако здание 37 также предназначалось для хранения лунных камней и грязи. *Не говори «грязь»*, напомнил себе Каз, *они ее реголитом называют.* Где-то в этом здании на стеллажах полно кусочков Луны общим весом восемьсот сорок два фунта, и охраняются они словно королевские сокровища. На самом деле, если быть точным, то в пересчете на фунт веса лунные камни стоят дороже.

Каз описал обновленный график миссии «Аполлона-18» и новое место посадки, не уточняя, почему внесены изменения. На лицах присутствующих удивления он не заметил и понял, что слух уже разнесся. Сотрудники Центра образовывали тесное сообщество, а селенологи – еще более узкую группу внутри него. Всем им было известно, что постоянные сдвиги политической повестки входят в условия контракта.

– Итак, – произнес Каз, – что именно стало нам известно в последнее время – по орбитальным снимкам, по результатам исследования образцов в этом здании, привезенных «Апол-

лонами» или доставленных советскими автоматами? Что из этого побудило бы вас пристально присмотреться к месту на Луне, куда никогда не ступала нога человека?

Собравшиеся задумались. Русские сумели возвратить небольшие порции лунного реголита во время роботизированных миссий «Луна-16» и «Луна-20». В общей сложности – менее фунта, но, чтобы собрать это количество, они забурились на глубину больше фута. Несмотря на несколько опубликованных впоследствии научных работ, никто толком не был уверен, что именно Советы там нашли.

Высокая женщина с непослушной копной темных волос вскинула руку:

– Астронавт Земекис, если позволите...

– Пожалуйста, зовите меня Каз.

Она едва заметно улыбнулась.

– Я доктор Лора Вудсворт, работаю в группе космохимиков.

Каз кивнул. Стройная, загорелая, в платье с цветочным принтом без рукавов, вокруг шеи – золотая цепочка с крестиком.

– Мы за последние сорок месяцев узнали о Луне больше, чем за предшествующие сорок тысячелетий. Радиометрическая датировка образцов, возвращенных предыдущими миссиями, показала, что возраст Луны более четырех миллиардов лет, а это весьма близко к возрасту Земли. К тому же лунный реголит не похож на земную пыль, которая претерпевала дождевую и ветровую эрозию. Он скорее напоминает мелкие стеклянные осколки – результат миллиардов лет бомбардировок космическими обломками.

Чад добавил:

– Каз, реголит – это неприятная вещь. Вроде наждачки с мелким зерном. С механизмами и космическими скафандрами круто обходится. Когда ребята возвращались в лунный модуль, к костюмам цеплялась пыль, а потом они начинали кашлять после того, как снимали шлемы.

Каз взглянул на Чада, удивляясь, почему Чад счел необходимым вмешаться, но Лора кивнула:

– Судя по химическому составу камней и пыли, внутренние области Луны заметно ближе по природе к земным, чем мы полагали. В центре – тяжелое ядро, окружает его легкая магма, а наверху все это слоем коры. Кора в основном серого цвета – ее-то вы и видите, когда смотрите на Луну.

У Каза возникло впечатление, что она его принимает за болвана, но в то же время рада отвлечься.

– Прежде чем доберемся до вашего вопроса, я бы хотела вспомнить еще вот что, – продолжила Лора. – Так называемый «женский лик на Луне» – более темные формы, которые видны на поверхности, – представляет собой древние лавовые потоки. Серая порода коры – это анортозит, более темные участки сложены базальтом. К тому же Луна в приливном захвате. Вы в курсе, что это значит?

Каз сделал вид, что не в курсе, покачав головой.

– Это значит, что Луна всегда обращена к нам одной и той же стороной. Лишь двадцать четыре человека, астронавты «Аполлонов», видели ее обратную сторону своими глазами.

– Почему всегда одной и той же стороной? – переспросил Каз, чтобы Лора вслух прояснила ситуацию.

– Гравитация Земли воздействует на Луну достаточно сильно, чтобы та слегка выгибалась к нам. Это вроде каменного прилива, который то накатывает, то отступает. Внутреннее трение постепенно замедляло вращение Луны, пока в итоге не привело процессы к идеальному равновесию. И вот – мы видим все время одну и ту же сторону.

Каз поднял руки, жестом показывая вращение воображаемой Луны.

– А почему в таком случае лунные фазы случаются?

– Луна совершает один оборот вокруг Земли за 27,3 суток. В зависимости от того, где находится спутник на медленной своей орбите, его можно видеть подсвеченным сбоку – как полумесяц – или вообще темным.

– Итак, Луна совершает один оборот за двадцать семь дней или около того, – сказал Каз, подыгрывая, – следовательно, астронавт на поверхности сможет две недели находиться под солнечным светом, а за ними последуют две недели темноты?

Лора с удовольствием посмотрела на него:

– Именно!

– А насколько там жарко и холодно будет, соответственно?

– Примерно двести шестьдесят по Фаренгейту в лунный полдень и минус двести восемьдесят в полночь.

Каз, присвистнув, сказал:

– Полезная информация.

Заговорил человек в гавайской рубашке, с бакенбардами в стиле Элвиса Пресли; преждевременно начавшееся облысение слегка портило его внешность:

– Привет, Каз. Я Дон Болдуин, начальник здешнего отдела. Я тут все размышлял над вашим вопросом о том, чему мы за последнее время научились. Паре вещей. – Он провел рукой по голове ото лба к затылку, приглаживая редкие волосы. – Некоторые из сравнительно недавних падений астероидов оставили глубокие кратеры, которые пока не заполнились лунной пылью. Это перспективные места для анализа скальных пород – на глубинах, куда обычные буры не достанут. Нужно покопаться в фотоархиве и выяснить, нет ли по соседству с новыми координатами Лунохода свежих кратеров.

Болдуин выдержал паузу, внимательным жестким взглядом окинув Каза. Невысказанное мнение было понятно: локацию выбирать его сотрудникам не придется, что ж – они получат все возможное из того, что дано.

– И еще кое-что нас интересует. Лора... – Болдуин кивнул в ее сторону. – Недавно она заметила одну необычную вещь. Лора, почему бы тебе не поведать Казу о ней?

Она посмотрела на Каза:

– Во время изучения высококачественных фотографий поверхности мне подвернулась аномалия. Вроде темного пятна на пленке. Пришлось с лупой перепроверить, прежде чем я убедилась, что именно вижу. Я нашла дырку в Луне.

– Что-о?

– Размер солидный, диаметром около ста ярдов. – Лора начала листать папку на столе. – У меня фото с собой.

Она передала Казу через столешницу черно-белый фотоснимок размером восемь на десять дюймов. Здоровым глазом он пригляделся к глянцевой картонке.

На снимке было нечто вроде... дыры. Почти идеально круглой, и дно ее частично, под углом, озарял солнечный свет. Будто бы поверхность Луны – это крыша, а в ней кто-то проделал световое окно.

Каз озадаченно поднял голову:

– Как это возникло?

Лора уступила право ответа начальнику.

– Мы не можем знать наверняка, – ответил Болдуин, – но если бы дело происходило на Земле, наилучшим предположением стало бы обрушение лавовой трубки: потоки магмы пробурили туннель, а потом он сам запечатался. Но что могло происходить на Луне? Неизвестно. Мы только теоретизируем.

Каз присмотрелся внимательней.

– Какой глубины яма, по вашим предположениям?

На этот вопрос ответила Лора:

– Нужны дополнительные снимки, чтобы оценить уверенней, но, исходя из угла, под которым освещало ее Солнце в тот час лунного дня, мы можем сказать, что яма достаточно глубокая. Ярдов сто.

Каз с новым уважением посмотрел на фото.

– Если бы вы туда прыгнули, то в пониженной лунной гравитации падали бы медленно, на протяжении одиннадцати секунд. Но ударились бы о дно на скорости сорока миль в час. – Лора усмехнулась: – Я подготовила расчеты.

Снова заговорил Чад:

– Я помню, помню, я просто дублер, но лучше даже не пробовать. Скафандр не выдержит.

Каз вернул Лоре снимок.

– Так, значит, вам всем было бы любопытно взглянуть на слои скальной породы, обнаженные в кратере недавним столкновением, и узнать побольше об этой дыре. А еще там похожие есть?

– Вероятно, – отвечал Болдуин. – Мы проведем ретроспективный поиск по фото. Лора зоркая, она эту заметила случайно, но теперь мы понимаем, что именно искать.

– Еще что-нибудь? – проговорил Каз.

Голос подал молодой человек в очках, с волосами до плеч и жиденькой бородкой:

– Как насчет крипа?

Каз посмотрел на него:

– Что такое крип?

– K-R-E-E-P. Акроним такой. Калий, редкоземельные элементы, фосфор. – Говоривший метнул на Каза испытующий взгляд; Каз склонил голову, дав понять, что ему интересно узнать про редкоземельные элементы. – На самом-то деле не такие уж они и редкие, эти элементы, просто труднодоступные в сколько-то больших концентрациях. Они более или менее рассредоточены по земной коре, химическая природа у них такая. Однако на Луне, как мы полагаем, залегает богатый редкоземельный слой, возникший в процессе фильтрования через кору. Многие лунные камни, хранящиеся в этом здании, содержат KREEP.

Каз призадумался.

– Почему же находка KREEP на Луне так важна?

– Теоретически процесс, способствовавший концентрированию KREEP, должен обогащать породы еще и ураном, и торием. Возможно, на Луне мы сумеем добывать радиоактивные элементы. И, следовательно, обеспечим энергоснабжение будущей колонии.

Каз старательно утаивал свое радостное возбуждение. Уран на Луне? Неужели советские автоматы-разведчики обнаружили именно его? Не по этой ли причине Луноход совершил посадку именно там? Если в точности выяснить, что Советы разыскивают, получится составить конкретный план работы экипажа «Аполлона-18» на Луне.

Каз произнес:

– Еще что-нибудь мне полезно было бы узнать, как по-вашему?

Дон Болдуин окинул взглядом сотрудников лаборатории.

– Думаю, на этом все, лейтенант-коммандер. – Тонкий, но прозрачный намек: Болдуин дал понять Казу, что домашнее задание выполнил и осознает меру вовлеченности военных во всю затею.

Каз не повелся:

– Ну ладно. Тогда всем спасибо. Исключительно информативная встреча вышла. Мы с Чадом еще пообщаемся с командой, и я дам вам знать, когда будет составлен окончательный вариант графика миссии.

* * *

На выходе из конференц-зала Каз пересекся с Лорой.

– Как думаете, – проговорил он, – получится ли еще такие дырки отыскать?

Лора повернулась к нему, перевела взгляд с его правого глаза на левый и обратно.

– Я полагаю, да. Если такое случилось однажды, могло произойти снова. Это поистине поразительное чувство: причастность к открытию чего-то совершенно нового.

– Я с интересом жду результатов вашего анализа. Номера моего телефона в справочнике Центра еще нет. Вы не против, если я его вам дам?

– Отнюдь.

Каз вытащил блокнот, записал номер на чистом листке и аккуратно оторвал, чтобы вручить Лоре.

– Исходя из темпов нашего поиска, – заявила она, – я рассчитываю уведомить вас через пару дней.

Своим номером в ответ она делиться не стала, и Каз попытал удачи:

– Если у вас будет желание полетать, то в моем распоряжении недалеко отсюда, к западу, небольшой самолет. Приятное это занятие в солнечный денек.

Лора задумчиво взглянула на него.

– Звучит забавно, – сказала она наконец. – Я вам позвоню насчет того и другого.

Он кивнул:

– До связи.

Лора улыбнулась, потом, развернувшись, удалилась по коридору. Каз проследил за ее целеустремленной походкой, за развевающимися темными волосами.

Он обдумал свой поступок. Обычно он вел себя не так импульсивно. Когда с ним произошёл несчастный случай, Каз был обручен, но любовь не вынесла лечения – или, вернее, тех нескольких мрачных месяцев жизни без цели и смысла. С тех пор он избегал романтических отношений.

Однако что-то в Лоре его привлекло.

8

Лубянка, Москва

Разведка подобна шахматам: это игра, требующая терпения и сосредоточенности. Осторожно перемещаешь фигуры к усиливающим позициям, терпеливо переносишь неудачи, выжидаешь, пока оппонент даст слабину и подставится, а потом наносишь удар.

Виталий Калугин, игравший в разведку вдолгую, расположился за столом, готовясь начать рабочий день. От трех своих товарищей по кабинету Виталий отличался приверженностью к порядку на столе. Рядом с подставкой для ручек он держал невысокий деревянный лоток для входящей почты. А в лоток для исходящей корреспонденции перед уходом домой каждый вечер аккуратно складывал телексы и доклады, прочитанные и аннотированные за день, чтобы внутренние курьеры забрали их и доставили следующим фигурантам длинных списков рассылки. КГБ, единый орган безопасности Советского Союза, занимался всем, от контрразведки и зарубежной разведки до борьбы с диссидентами и антисоветчиками. Почитать ежедневно было что.

Бежевый телефонный аппарат он ставил слева, чтобы можно было, говоря по телефону, придерживать трубку левой рукой, а писать правой. Далеко справа стояла пустая пепельница: сигареты и спички он еще не извлек из кармана куртки. Виталий отпер ящики стола и сунул коробку с едой в самый глубокий, по соседству с полупустой бутылкой «Смирнова». Ирина всегда готовила ему на работу пирожки с мясом и зеленью, отрезала кусок бледного «Российского» сыра и дополняла это пикулями или помидорчиками. В комитетской столовой он уже поел горячего, но на аппетит не жаловался, и такие припасы помогали пережить долгие рабочие дни.

Водку он берег для праздничных поводов, а они уже некоторое время отсутствовали.

Из центрального ящика он выудил зеленый блокнот в ледериновом переплете и положил его на столе прямо перед собой. Шкаф для документов у стены заполняли десятки таких блокнотов: стандартные для КГБ, на корешке каждого вручную аккуратным почерком записаны даты начала и завершения записей. Он перелистнул текущий блокнот к чистой странице, аккуратно записал в верхнем правом углу дату, затем ненадолго вернулся ко вчерашним записям, освежая их в памяти. Поставил чайник, дождался, пока вода закипит, заварил себе чаю с двумя кубиками сахара, выудил из общей тарелки две суховатые булочки с корицей, уравновесил их на заварочном чайнике и вернулся за стол – разгребать свежую корреспонденцию.

Переводчики КГБ работали медленно, зато дотошно. Иностранные публикации и дайджесты поступали регулярно, Виталий себе оформил внутреннюю подписку на несколько таких. Попадали они к нему на стол, как правило, с устареванием на несколько месяцев, однако стратегическим целям Виталия это совсем не вредило. Читиво в любом случае было интересное: он знакомился не только с деятельностью противника, но и с тем, как те сами себе ее объясняют.

Он вытащил из входящей почты очередную прошитую ротапринтную копию: это была заметка из «Старз энд страйпс» – американского новостного издания для военных с почтенной историей. Взгляд Калугина заскользил по странице в поисках интересных зацепок.

На первой полосе преобладали новости о мирных переговорах по Вьетнаму и президентской кампании. Ничего полезного. Виталий послонявил большой и указательный пальцы, перевернул страницу, стараясь не смазать дешевый оттиск. На второй странице его внимание привлекла фотография. Снимок демонстрировал троих мужчин в разных униформах рядом с моделью высокой белой ракеты. Заголовок возвещал: **ВОЕННЫЕ АСТРОНАВТЫ НА ПУТИ К ЛУНЕ!**

Военно-воздушные силы США и Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства сегодня совместно одобрили кандидатуры подполковника ВВС Томаса Г. Хоффмана, лейтенанта ВМФ Майкла Г. Исдэйла и капитана морской пехоты Лукаса Б. Хемминга для полета в заключительной из намеченных миссий с высадкой на Луну – «Аполлон-18».

Хоффман, командир экспедиции, и Хемминг, пилот лунного модуля, проведут исследования на поверхности Луны, пока Исдэйл, пилот командного модуля, выполнит обширную программу научных экспериментов на лунной орбите. Исдэйл имеет докторскую степень по химии: он станет четвертым ее обладателем среди астронавтов, посетивших Луну. Кроме того, он будет и первым темнокожим астронавтом.

«Аполлон-18» должен стартовать в апреле 1973 года. Место высадки еще не определено. Двенадцатидневная миссия станет продолжением научных исследований как на лунной поверхности, так и на орбите. Время пребывания на поверхности Луны может достичь 68 часов. Предполагаются три исследовательские экспедиции с выходами из лунного модуля продолжительностью до 7 часов каждый. Намечено выполнение комплекса экспериментов на поверхности Луны в рамках программы «Аполлон». С лунной орбиты будут выполняться картографирование Луны и некоторые научные опыты. Исдэйл на время покинет аппарат в обратном полете к Земле, чтобы забрать пленку из камер в служебном отсеке.

Состав дублирующего экипажа: майор ВВС Чад Ю. Миллер, лейтенант ВМФ Роберт Л. Криппен, капитан морской пехоты Роберт Ф. Овермайер.

Виталий еще раз перечитал имя и провел по нему пальцем. У него закружилась голова. *Мой источник выбран для полета на «Аполлоне»!* Калугин более десятка лет назад расставил фигуры, но все равно почему-то испытал шок, увидев новость в печати. Чтобы утаить эмоции от троицы товарищей по кабинету, он отхлебнул чаю; мозг его лихорадочно работал.

Источник Виталия Калугина! На такую сумасшедшую удачу он не осмеливался полагаться даже в ту пору, когда стало известно о программе MOL. Если получится добыть информацию о том, как в реальных условиях работает аппаратура и осуществляются протоколы американской космической программы, это станет беспрецедентным успехом. Кроме того, источник теперь будет быстрее продвигаться по службе: несколько астронавтов из первых миссий уже в генеральских чинах. Источник окажется на передовой будущих американских космических проектов, включая программу многоразовых летательных аппаратов – «Спейс шаттлов», о которой недавно сообщил их президент, и космическую станцию «Скайлэб».

Для игры, ведущейся вдолгую, это *великолепное* продвижение. Калугин потянулся выдвинуть ящик и цапнул из него бутылку водки.

9

Эллингтон-Филд, Хьюстон

Каз и Чад стояли рядом на базе ВВС США Эллингтон-Филд, что в пяти милях к северу от Центра пилотируемых космических полетов. База имела статус военного аэродрома с 1917 года, и Центр располагался в Хьюстоне, среди прочего, и по этой причине.

Оба надели темные очки и плотные черные беруши, защищавшие от оглушительного шума и скрежета.

– Вот это машинка! – крикнул Каз.

Чад кивнул и вскинул оттопыренный большой палец. Следующим на летательном аппарате отработки лунных посадок должен был подняться в небо именно он, Чад.

Настоящая «машина Руба Голдберга» – устройство, предназначенное для выполнения в общем-то простого действия сложным способом. Кому-то она напомнила летающую кроватку. Сравнение прижилось. Сопло турбореактивного двигателя «Кроватки» смотрело прямо вверх, а к неуклюжему алюминиевому остову под разными углами были прикреплены ракетные движки поменьше, работающие на перекиси водорода. Кокпит открыт всем стихиям и некрасиво торчит с одной стороны, точно люлька оператора погрузочного крана. Аппарат проектировали и сооружали в спешке для задач тренировки астронавтов программы «Аполлон» перед полетами на Луну, и это сказалось на дизайне. Том Хоффман висел на высоте двухсот футов над землей, удерживаемый в воздухе лишь мощностью нацеленного вниз выхлопа турбины, и отрабатывал приемы посадки, а пероксидные движки попыхивали клубами дыма во все стороны.

Смахивает на капризного дракошу, подумал Каз.

Они смотрели, как Том продвигается по пунктам тренировочного задания: сбавляет скорость переднего сопла по мере спуска, потом аккуратно опускает машину на четыре насекомоподобные ноги точно в отмеченный буквой «Х» центр целевого участка взлетно-посадочной полосы. Инженеры и инструкторы НАСА считали эту процедуру наилучшим способом имитировать низкую гравитацию Луны, которая в шесть раз слабее земной.

Том снова взлетел, переместился на несколько сотен ярдов, начав очередное тренировочное задание. Перехватчик противовоздушной обороны F-101 «Вуду» шумно стартовал с ближайшей основной полосы. Каз и Чад повернули головы понаблюдать за ним. Пилоты любят самолеты.

Чад громко кричал, давая объяснение Казу, который никогда раньше не видел тренировочный аппарат в деле:

– Том подстраивает главный двигатель так, чтобы компенсировать сейчас пять шестых веса. После этого летит на одних только пероксидных движках, имитируя ощущения, которые должны возникнуть при посадке модуля на Луну. Пульт управления примерно такой же, как в ЛМ, а пенопластовые заслонки ограничивают Тому обзор, чтобы было как и в настоящем модуле.

Каз склонился к Чаду:

– Сколько было аварий? Три?

– Ага. Но никто не пострадал – система катапультирования отличная. Ты наверняка слышал: ноль-ноль.

Каз кивнул.

Катапультное кресло было спроектировано так, чтобы пилот мог спастись даже на нулевой высоте при нулевой скорости полета. Большинству катапульт на истребителях нужны определенная высота и достаточный запас скорости, чтобы парашют после катапультирования мог как следует надуться.

Том снова сел, немного покачавшись в воздухе, но приземлился аккуратно в намеченную точку. Наблюдатели заметили, что движения его рук изменились: на этот раз он заглушал двигатели. Команда наземных техников в тяжелых белых защитных костюмах двинулась проверять системы аппарата. Они жестами подозвали грузовик-топливозаправщик и вытащили из него шланг. В ста футах от места посадки на всякий случай дежурила красная пожарная машина ВВС США.

Чад и Каз обрадовались, что шум прекратился, и вытащили беруши. Чад облизнул палец и поднял его, пробуя ветер.

– Все еще достаточно тихо. Для моих полетов тоже сгодится, думаю.

* * *

Том двинулся к ним, сунув под мышку белый шлем. Он снял оливково-зеленую упряжь страховочных ремней, которые прочно удерживали его в катапультном кресле. Был он в таком же полностью белом скафандре, как и Чад, из прочного номекса – на случай возгорания. Дополнительную защиту затылка и шеи от пламени обеспечивал белый воротник скафандра, который Том теперь откинул. Под скафандром на нем было хлопчатобумажное белье. Жарковато, но такая предосторожность необходима. До старта десять недель, малейшая травма – и Том никуда не летит.

Они пожали друг другу руки.

– Неплохо для старичка, Том, – поддразнил его Чад не без ехидства. Он был на год младше, и покамест его карьера в ВВС повторяла путь Тома.

– Я при последней посадке немного промазал, – отвечал Том.

– Каково это – летать на ней? – спросил Каз.

– Все равно что балансировать на кончике ведьминой метлы, – со смехом отозвался Том. – Эта штука похожа на вертолет, но у нее нет рулевого винта, компенсирующего реактивный момент и рысканье. На самом-то деле машина довольно устойчива. В режиме лунной симуляции реактивный двигатель поворачивается на карданных подвесах – это помогает преодолевать порывы ветра и сохранять вертикальность вектора тяги. Но дергается, зараза. Судя по тому, что я слышал от других ребят «Аполлона», настоящий ЛМ ведет себя заметно спокойнее. – Он посмотрел на Чада и улыбнулся. – Когда вернусь, поделюсь впечатлениями.

Чад потянулся в карман штанов и вытащил тонкие светло-коричневые летные перчатки.

– Ну да, но сейчас очередь более профессионального пилота.

Он задорно подмигнул собеседникам, подцепил сумку со шлемом и уверенно зашагал к аппарату.

– Счастливых посадок, – сказал Том ему в спину. Мгновение оба наблюдали, как Чад облачается в зеленую страховочную сбрую у основания желтой лестницы.

Том развернулся к Казу:

– Ну, что думаешь?

Каз понял, на что тот намекает.

– Я давно знаком с обоими твоими напарниками. Майкл временами чуть слишком неформален, но «Персыют» он знает как свои пять пальцев. Он справится отлично. Люк великолепный профи, в «Бульдоге» он тебе, без сомнений, пригодится, да и снаружи, при прогулках по Луне. Мне кажется, у всех все в полном порядке.

Том кивнул, но взгляд не отвел. Он выждал мгновение.

– Но?

Они смотрели, как Чад забирается в катапультное кресло.

– Но... мы по-прежнему не уверены, когда именно русские собираются запускать «Алмаз», хотя, похоже, что это, как и предполагалось, случится в начале апреля. Мы также

не уверены, насколько высоко пролегает намеченная ими орбита, однако, по нашим наилучшим догадкам, она будет низкой, чтобы получить снимки получше, а избавленный от лишнего груза «Сатурн-5» в любом случае доставит вас туда. Вдобавок мы вообще не в курсе, чем там в Море Ясности их Луноход занят. Мало того что наши разведывательные источники в московском ЦУПе скудны, так еще и дополнительные меры безопасности там сейчас принимаются. Поэтому мы считаем, что это не рядовая научно-исследовательская миссия.

Каз бросил взгляд на Чада, выполнявшего процедуру оживления «Кроватки».

– И мы не уверены, как долго удастся все это утаивать. Пока что журналисты ничего не разнюхали про отличия этого полета от предыдущих «Аполлонов». Однако в дело посвящены многие – инженеры, ученые, техники. Да, блин, даже уборщики в Здании вертикальной сборки заметят, что на сей раз ровер не стали закреплять. В конце концов твоя уродливая рожа окажется на первой странице «Ньюсуика» с заголовком СЕКРЕТНАЯ ВОЕННАЯ МИССИЯ «АПОЛЛОНА». А после этого Советы уж позаботятся, чтобы муха не пролетела.

Том поразмыслил над услышанным и ответил:

– Прибавь к этому нервозности во время тренировок, вызванные перетряхиванием графика ради перехвата «Алмаза» и заменой места высадки на Луне в последнюю минуту. – Он посмотрел на Каза: лицо было серьезным. – Не могу сказать, что я этому рад.

Каз сочувственно кивнул.

– Тебя тоже из ВВС дергают? – Каз прекрасно отдавал себе отчет в том, что у Пентагона свои цели, подкрепляемые непоколебимой уверенностью в собственной значимости. И, в отличие от обычных экипажей «Аполлонов», с бывшими астронавтами MOL пентагоновцы считали позволительным общаться напрямую.

– Каждые несколько дней телефонными звонками из Вашингтона донимают, – признался Том. – Однако наша секретарша – самый вежливый в мире автоответчик. Эл их всех натаскал, и это работает.

Эл, то есть Эл Шепард, – руководитель подготовки астронавтов. Один из семи участников программы «Меркурий», первый американец в космосе и человек, который ходил по Луне в ранге командира экспедиции «Аполлона-14». Он, как никто другой, понимал давление, с которым сталкиваются экипажи, и решал проблемы авторитетно, словно заправский контр-адмирал. Кстати, он им и был.

Каз настойчиво уточнил:

– О чем у тебя допытывались из Вашингтона?

– Ай, да о всякой всячине. Для ВВС это важный момент в плане рекрутинга, учитывая, в какую лужу они сели с Вьетнамом. Хотят, чтобы я для их рекламных плакатов позировал. Укрошаем, дескать, непокорную синеву небес. – Он усмехнулся: – Эл помогает мне их сдерживать, так что вынуждены они довольствоваться тем, чем их закармливают пиарщики НАСА. – Он едва заметно покачал головой. – И еще интересуются, чем я намерен заняться после. Не хотел бы я стать комендантом академии ВВС? Или, может, директором летной школы на базе Эдвардс? Хотя для такого потребуется повысить меня в звании. По правде говоря, я бы хотел остаться в программе, если мы маятник снова раскачаем. Ребятам в местной школе нравится, да и Маргарет куда веселее в Хьюстоне, а не на базе Эдвардс посреди пустыни. Может, я подам в отставку из ВВС и наймусь прямо в НАСА, поработаю со «Скайлэбом» и шаттлами. – Он улыбнулся. – Блин, да если этот полет завершится удачно, я, может, еще слетаю в космос, но уже как гражданский.

Каз кивнул. Он бы на месте Тома поступил аналогично.

Оба дернулись, заслышав внезапный рев со стороны «Кроватки», и поспешно засунули беруши в ушные раковины, а Чад включил реактивный двигатель.

10

Центр пилотируемых космических полетов

– Приветствую, лейтенант-коммандер Земекис. Говорит доктор Вудсворт.

Каз с головой ушел в изучение систем лунного модуля, готовясь поддержать экипаж во время предстоящей тренировки, и трубку при телефонном звонке взял с отсутствующим видом, не отводя взгляда от страницы.

Доктор Вудсворт? Бли-и-ин, а она все-таки позвонила!

– Доброе утро, доктор Вудсворт. Нашли еще какие-нибудь дыры в Луне?

– Честно говоря, да. Пока что четыре нашлось! Тут в лаборатории все буквально на ушах.

Я подумала, стоит вам картинку показать.

Он покосился на часы.

– Как насчет того, чтобы за ленчем это сделать? Скажем, в полдень в кафетерии здания номер три?

* * *

Каз взял поднос и стал прохаживаться вдоль линии раздачи, выбирая блюда. Приходилось признать, что уже одного вида эмблемы НАСА, отпечатанной на подносе, того самого известного синего шара со стилизованными космическим кораблем и орбитой, хватает, чтобы Каз исполнился поразительного удовольствия от пребывания здесь, в Хьюстоне.

Расплачиваясь за кассой, он окидывал взглядом столики. Лору в белой шелковой блузе и плиссированной бледно-голубой юбке заметить среди мужчин-инженеров труда не составило.

– Рад видеть вас, Лора, – сказал он, выгружая ленч на выбранный ею столик у окна, а поднос отставил на пустой стул. – Спасибо, что так быстро нашли время.

– Да просто у девочки аппетит проснулся, – сказала она.

Передала ему папку с фотографиями и взяла свой сэндвич.

Он стал по очереди рассматривать снимки.

– Дыры выглядят похожими друг на друга.

– Да, и нас это тоже удивляет. Такое впечатление, что все они возникли по одинаковому механизму, но мы пока не можем сообразить, по какому. – Она указала на дыру, которую в тот момент изучал Каз. – Отметьте, что выбросов у кромки ямы нет, значит, это не следствие удара.

Каз отправил ложку супа в рот и кивнул.

– У вас имеется карта с точным указанием мест их расположения?

– Я уж думала, вы никогда не спросите.

Она открепилла страницу с распечаткой из трехкольцевой папки-регистратора, которую держала рядом с собой, перевернула и положила возле снимков.

– Зеленые треугольники показывают места посадок «Аполлонов». Красные – места посадок русских луноходов. Желтые – места, где находятся наши спускаемые аппараты «Сервейер». – Она по очереди коснулась каждой отметки крашеным ногтем. – И вот черные прямоугольные метки, нарисованные от руки: там располагаются дыры.

Одна из них оказалась неподалеку от места посадки «Аполлона-17».

– Она и впрямь так близко к месту посадки Семнадцатого, как по карте кажется? Экипаж что-нибудь видел?

– Она за много десятков миль от самой дальней точки, куда на ровере смог добраться экипаж. Очень жаль, что мы не заметили дыр раньше, чем Семнадцатые улетели.

Откусив кусок сэндвича, она выждала, пока Каз задаст напрашивающийся вопрос:

– Насколько близка она к месту запланированной посадки Восемнадцатого?

– Достаточно близка, чтобы Том и Люк успели обследовать, если им выделить нормальное время на поверхности. – Лора подняла на него глаза. – А мы собираемся выделить им нормальное время?

Каз выразительно окинул взглядом толпу в столовой.

– Это не мне, а Министерству обороны решать, подлежит ли такая информация разглашению. Когда и если они пожелают. Извините.

Несколько секунд Лора смотрела на него, затем пожала плечами.

– Можем подождать. – Потом улыбнулась: – Мы же геологи.

Каз решил сменить тему разговора:

– Какими судьбами вас в НАСА занесло?

Мгновение она колебалась, потом встретила его взгляд:

– Хотела в отряд астронавтов. А это место – Мекка для астронавтов. – Она помедлила, с явной тщательностью подбирая дальнейшие слова. – Я еще университет не закончила, когда Кеннеди произнес речь о полете к Луне. Я знала, что девочек в пилоты истребителей не берут, но догадывалась, что и другие таланты на Луне понадобятся. Хотя в отряде астронавтов по-прежнему нет женщин, мою правоту отчасти доказал тот факт, что на «Аполлоне-17» летал доктор Шмитт.

Казу было известно, что Шмитта, геолога по профессии, отобрали по новой категории ученых-астронавтов в 1965-м. Он прислушивался к ноткам яростной напряженности в ее голосе, а Лора продолжала:

– Валентина Терешкова одна летала в космос и провела там трое суток еще десяток лет назад. Она доказала, что женщины не хуже мужчин с таким справляются. Актом о гражданских правах 1964 года мы защищены от дискриминации по половому признаку, так что НАСА рано или поздно начнет принимать заявки от женщин-астронавтов. Я намереваюсь попасть в их число. – Тут она улыбнулась и подняла на него глаза, вскинув брови. – Ну, вы же сами спросили!

Каз понимал ее чувства. Его самого влекло в космос с тех самых пор, как в 1961-м Гагарин и Эл Шепард указали путь. Это была основная причина его поступления в школу летчиков-испытателей, и лишь несчастный случай сбил его с намеченной траектории. Однако до Лоры он еще не встречал женщин, которые так загорелись бы этой идеей, или, во всяком случае, она ему первая в таком открылась.

Он произнес:

– Никсон больше года назад анонсировал программу космических шаттлов. Насколько я понимаю, экипаж там будет из семи человек, и, как мне помнится, он сказал: «Мужчинам и женщинам найдется работа в космосе» или что-то в этом роде. Наверняка уйдет больше времени, чем они прогнозируют, но готов побиться об заклад, что это ваш шанс. Рассчитывайте на мой голос.

– Я приму любую помощь, – с усмешкой ответила она.

– Джеку Шмитту пришлось научиться пилотировать истребители НАСА, прежде чем его к полету «Аполлона» допустили, – добавил Каз. – И похоже, что полеты на шаттлах в еще большей мере, чем в случае капсул «Аполлонов», будут делом пилотов. Вы много налетали?

Лора с сожалением глянула на него:

– Еще нет. Я кое-какие стипендии получила, но в основном пришлось самой за себя платить девять лет в Лос-Анджелесском университете. Я там начала брать уроки пилотирования, но это дорогое удовольствие. Ну и потом, «Аполлоны» так часто летали, что времени отвлекаться не оставалось.

– Не забудьте, что я предлагал вам полетать. К дому, который я снял, прилагалась маленькая тренировочная «Сессна» в гараже, и владелец с радостью разрешил мне пользоваться ею. Улица в конце подъездной дорожки вместо ВПП. Я с радостью подниму вас в воздух.

Взгляд Лоры невольно метнулся от его здорового глаза к стеклянному и назад. Потом, осознав свои действия, она опустила взор.

– Давайте проясним ситуацию с моим одноглазием, – сказал он, не желая ее смущать, но вместе с тем и стараясь убрать проблему с пути. – Я летал на самолетах ВМФ еще с колледжа, истребителях и испытательных машинах, а НАСА меня иногда в заднее кресло Т-38 сажает. Вы можете на меня положиться с этой «Сессной». Проверим, чему вы в летной школе научились.

Лора вскинула на него взгляд, потом кивнула:

– Это очень щедрое предложение с вашей стороны. Я бы с радостью.

Каз посмотрел на часы, потом выглянул в окно. Погода все еще хорошая. Надо ловить момент.

– Сейчас солнце примерно после шести садится. У вас найдется время полетать после работы? Если уедем отсюда, например, в 4:30?

– Сегодня? – удивилась Лора, но решение приняла быстро: – А где вы с этой «Сессной» живете?

* * *

Каз заканчивал разворачивать самолет на выезде из ангара и тут заметил белый «Фольксваген Жук» с откидным верхом, сбрасывавший скорость, чтобы проехать через воротца для скота. Вытерев руки о тряпку, он стал смотреть, как Лора быстро переключает передачи на прямой, потом резко тормозит и умело поворачивает на его подъездную дорожку. Помахал ей, показывая, куда парковаться и куда он будет выкатывать самолет.

И улыбнулся. *Ученые предпочитают «фольксвагены»!*

Пока она выбиралась из машины, Каз отметил, что Лора рано отпросилась с работы: успела переодеться в джинсы-клевш. Он внезапно понял, что нервничает, а с ним такого уже давненько не происходило.

– Я вас нашла! – воскликнула она. – В жизни раньше сюда не заезжала.

– Ну, спасибо! – Он посмотрел на часы. – До заката примерно час, пошли полетаем. Здешняя ВПП не освещается, – указал он на дорогу, – так что нужно приземлиться, пока не слишком потемнело.

– О, а это ж самолет с хвостовой опорой, – проговорила Лора, пока они обходили самолет, покоившийся на хвостовом колесе с задранном к небу носом. – Я раньше летала только на самолетах с носовой.

– У такой конструкции свои преимущества: хвостовое колесо вроде якоря, помогает удерживать равновесие, в особенности при посадке на траву, не требуется компенсировать дополнительный вес крупного тяжелого колеса прямо впереди. Хотя ногами приходится интенсивнее с тормозными педалями работать.

Они забрались в кабину через противоположные боковые дверцы, и Каз показал ей, куда нажимать, чтобы сдвинуть сиденье вперед. Он тщательно контролировал движения своих рук, когда помогал Лоре вытянуть страховочные ремни и пристегнуться. Он радовался тесной близости с ней в кокпите. Потом, катя по дорожке, заводя мотор, проверяя основные приборы и готовясь к взлету, он вслух описывал все свои действия.

Лора потянулась коснуться кончиком пальца индикатора уровня топлива и датчиков температуры.

– Готовы?

Она методично осмотрела панель управления, нашла альтиметр, тахометр, указатель скорости, сосредоточила на них внимание.

– Все в порядке!

Каз кивнул, плавно повел дроссельный рычаг, и самолет оторвался от земли. Когда колеса оказались в воздухе, он искоса глянул на Лору. Лицо ее светилось радостью, взгляд метался от приборов к удалявшемуся ландшафту и обратно.

Воздух в ранний вечерний час был спокоен. Каз повернул к Центру пилотируемых космических полетов, направил самолет горизонтально и стал обсуждать с Лорой основные приемы пилотирования «Сессны». Потом опустил руки и произнес:

– Теперь самостоятельно.

Она выпрямилась, сосредоточенно глядя вперед. Каз позволил ей выполнить несколько аккуратных поворотов, и Лора немного расслабилась. Он показал на Центр, затем, когда они пролетали над галвестонским побережьем, на Сибрук и Киму.

– Хотите кое-что веселое и красивое сделать?

Она взглянула на него широко раскрытыми глазами:

– Конечно.

– Передайте мне управление. – Каз опустил нос, увеличивая скорость, затем плавно повел «Сессн» вверх и вправо, пока они не увидели из кабины поверхность воды прямо под крылом, а скорость не упала до минимальной, поддерживающей полет. Нос самолета описал дугу, и Каз проделал маневр в обратную сторону. Контраст между шумным торопливым нырком и плавным подъемом только подчеркивал грациозность и спокойную красоту разворота на сто восемьдесят градусов. Каз выполнил еще один правый поворот, и Лора взглянула через боковой иллюминатор в темные воды залива.

Она повернула к нему голову:

– Чудесно! Мы словно падающий листок!

Каз кивнул:

– Это называется chandelle⁶. Помогает реально прочувствовать полет.

Он вывел самолет в горизонтальное положение и отпустил штурвал.

– Птичка снова ваша. Разворачиваемся и возвращаемся.

Когда Лора поворачивала на запад, Каз опустил козырьки лобового стекла, закрываясь от закатного солнца. Базовая самолетная акробатика, как обычно, обостряла собственные ощущения, наделяя пьянящим чувством свободы в трех измерениях. Он наклонился и мотнул подбородком в сторону Центра пилотируемых космических полетов, так что его плечо прикоснулось к плечу Лоры.

– Внизу такого никому не испытать.

Она проследила его взгляд и не отстранилась.

– Везунчики мы. И спасибо тебе за приглашение полетать.

– Эй, ну это ведь ты летала!

---

⁶ Боевой разворот «свечкой» (франц.).

11

Симферополь, СССР

В первозданную адскую эпоху древняя звезда, расходуя свое водородное топливо, разогревалась и разогревалась, пока не взорвалась в ослепительной катастрофической вспышке сверхновой. Колоссальный выброс энергии ударной волной прокатился по галактике, именуемой сегодня Млечный Путь. Невероятно мощные волны, сотрясая первозданные водородно-гелиевые облака, расталкивали их и сближали, точно мусор на поверхности межзвездного океана.

Следующую сотню миллионов лет собственное слабое гравитационное взаимодействие сбивало эти облака в укрупнявшиеся комки – продолжался раздражающе медленный балет плавного дрейфа, кручения, сближения, уплотнения. Практически неисчерпаемы были запасы водорода и гелия, и вот молекулы, сталкиваясь все интенсивней и интенсивней, начали разогреваться, образуя то, что превратилось потом в протозвезду. Приблизительно 4,6 миллиарда лет назад давление и температура достигли критического уровня, атомы вдавило в атомы, высвободилась энергия связей и внезапно начался термоядерный синтез.

Да будет свет.

Новорожденное Солнце озарило большой вихрящийся плоский диск космического шлака – газа, пыли, каменистых остатков более ранних звездных взрывов. Все это продолжало крутиться и сближаться друг с другом в черноте пространства. Вдали от Солнца температура оставалась достаточно низкой, чтобы летучие вещества сохранялись застывшими, в форме льда. Без устали сталкиваясь и слипаясь в укрупнявшиеся глыбы, они постепенно коалесцировали – так образовались газовые гиганты: Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун.

Ближе к Солнцу лучистая энергия преобразовала ледяные астероиды в хвостатые кометы, испаряя замороженные газы. Оставались бесчисленные камни, которые начали сталкиваться друг с другом, слипаться в растущие протопланеты. Некоторые астероиды состояли в основном из металла, другие – прилетевшие издалека – представляли собой рыхлые, скрепляемые застывшей водой комки мусора. Мало-помалу, на протяжении миллионов лет, они кружились по близким орбитам и сталкивались; в результате возникали победители звездного бильярдного турнира – внутренние планеты с твердой каменистой поверхностью: Меркурий, Венера, Марс и Земля.

Однако мощное гравитационное притяжение двух крупнейших планет системы, Юпитера и Сатурна, приводило к резонансным взаимодействиям и возмущениям. Гиганты вырывали камни из астероидного пояса и еще более удаленных регионов внешнего пояса Койпера – иные были размерами с внутренние планеты – и зашвыривали их по неустойчивым орбитам в сторону Солнца. Это приводило к весьма мощным столкновениям.

Земля была тогда просто расплавленным шаром крутящейся породы, которую постоянно бомбардировали астероиды, растущие в размерах. С течением времени бомбардировка утихла, мусора стало меньше. Но самый крупный природный приберегла напоследок.

В самый обычный день жизни молодой планеты, 4,5 миллиарда лет назад, ей прилетело так, как никогда еще не прилетало. С Землей на скорости девять тысяч миль в час столкнулась планета размером с Марс.

Скальные породы и льды шального небесного тела погрузились глубоко в земную мантию, навеки смешав вещество двух планет. Землю раскрутило, словно волчок, и вертелась она так быстро, что сутки в ту пору длились от силы пять часов. Летавшие повсюду обломки выбрасывало в ближнее космическое пространство, а потом они обрушивались назад, поливая поверхность планеты дождем из раскаленных камней. Однако инерция врезавшегося объекта была так высока, что весьма крупные куски его самого и Земли зашвырнуло на еще более высо-

кую орбиту. Кольцо обломков, обращавшееся вокруг планеты, быстро слиплось в расплавленный шар диаметром около двух тысяч миль, и тот засиял в ночных небесах.

У Земли появилась Луна.

А внутри этой Луны вздымалось, оседало и бурлило, остывая, баснословное рудное сокровище.

* * *

– Что это? – Штурман из команды Габдула постучал пальцем по экрану, куда выводилась картинка с навигационной телекамеры Лунохода. – Вон там, слева.

Оба наклонились к изображению, застывшему на маленьком черно-белом дисплее. Габдул командовал Луноходу остановиться.

Подвигал головой взад-вперед, пытаясь разглядеть детали зернистой картинки.

– Похоже, это скала и ее тень.

Штурман хмыкнул:

– Согласен. – Он окинул взглядом членов научной команды, те кивнули. – Погодите минутку, я маршрут переделаю, присмотримся поближе.

Для перемещений по лунной поверхности они полагались на три навигационные телекамеры низкого разрешения, но на Луноходе также были установлены четыре камеры более высокого разрешения, астрофотометр, рентгеновский телескоп и радиометр. И даже пенетрометр для измерения характеристик взаимодействия лунного грунта с колесами шасси.

Было бы забавно по этой каменюке постучать!

Штурман перебирал порядком истрепанные орбитальные снимки рабочей зоны Лунохода – и совсем новые, снятые «Аполлоном-15» и «Аполлоном-17», которые удалось добыть на Международной конференции по планетным исследованиям в Москве несколькими неделями раньше: американский ученый легкомысленно подарил их вместе с топографической картой, составленной военными, старшему инженеру Лунохода. Новые снимки отличались превосходной детализацией и добавляли штурману уверенности, когда он указывал Габдулу, куда поворачивать. Быстро поменяв маршрут так, чтобы охватить перспективную в научном отношении область у камня, он перевел поправки в последовательность команд для водителя.

Габдул некоторое время изучал их, потом, кивнув, отвел рукоятку штурвала в сторону и нажал кнопку пересылки команды. Спустя шесть секунд выпустил, и все усталились на экран, ожидая, пока обновится изображение.

Темный камень теперь оказался точно по центру экрана. Штурман кивнул Габдулу, и тот повел Луноход прямо, потом снова сверился с картинкой. Повторить маневр пришлось трижды. Наконец камень появился в оптимальном положении, в нижней части экрана, если смотреть через высоко смонтированную навигационную камеру, и Габдул отправил команду переключиться на камеры панорамной съемки, закрепленные ниже.

Команда свыклась с длинными паузами между отправкой каждой команды и обновлением изображения. Паузы стали частью обычного ритма: можно было обсудить увиденное, словно разбирая детали трюка еще до того, как фокусник вытащит кролика из шляпы. Они спорили, почему камень отличается по цвету от окружающего реголита. Может, он туда каким-то образом прикатился?

Помощник штурмана в шутку предположил:

– Может быть, это инопланетное дерьмо!

Все засмеялись. Тут проявился новый ракурс.

Две нижние камеры, расставленные подобно человеческим глазам, позволяли получить стереоскопическое изображение. Внимательно присмотревшись, штурман оценил расстояние

заново и отдал очередную команду. Габдул аккуратно переместил рукоятку, и Луноход проехал еще полтора метра.

Картинка снова обновилась. Штурман удовлетворенно проворчал:

– Идеально сработано!

И откинулся в кресле: свою часть работы он выполнил.

За дело торопливо взялись ученые. Они записывали данные с камер на видеопленку и регистрировали информацию с фотометров на листах диаграммной бумаги. Пока ничего удивительного: камень как камень, полно таких.

Затем были отправлены команды рентгеноспектральному прибору «РИФМА-М», размещенному низко в передней части Лунохода и напоминавшему мандибулы насекомого. Дверца прибора распахнулась, показались маленькие образцы радиоактивных вольфрама и циркония, ударившие в поверхность Луны невидимыми конусами альфа- и бета-частиц. Этот сфокусированный прожектор возбуждал элементы минеральных включений в скале, провоцируя каждый атом на излучение рентгеновской флуоресценции. Детектор принимал ответные сигналы и посылал их в сложной электронной форме через пустоту симферопольской команде, которая видела четкие разделенные линии частот на осциллокопе. Данные распечатывали, чтобы можно было внимательней приглядеться к уникальной сигнатуре камня. В основном там проявили себя магний, алюминий, кремний, еще кое-какие элементы – соотношение слегка необычное, но, пожалуй, мало отличается от других случаев.

Габдул пожал плечами.

– Магнетометр попробуем? – предложил он и получил согласие.

По его команде торчавший из верхней части корпуса Лунохода длинный тонкий шест начал медленно поворачиваться и опускаться, пока не замер всего в нескольких дюймах от камня; маленькое крестообразное приспособление на его кончике фиксировало напряженность и замеряло направление локальных магнитных полей. И вновь ничего необычного.

Руководительница оперативной научной группы потеряла руки, готовясь к следующему тесту. Она искренне наслаждалась происходящим. Суперсовременная полевая работа – изучение участка Луны, которого до сегодняшнего дня никто из людей своими глазами не видел, чистое исследование, о котором она мечтала с первых дней на геологическом факультете МГУ. Сколько же статей напишут по материалам открытий ее группы, и во всех она будет соавтором. На международные конференции поедет. Возможно, повезет даже в Америку попасть.

Она проговорила сдержанным тоном, как от нее и ожидали коллеги:

– Посмотрим, что радиометр нам покажет.

Она следила за тем, как тяжелый радиометр опускается к камню. *На Венере мы бы такого себе позволить не могли*, подумалось ей. Только при слабой лунной гравитации в одну шестую земной можно удерживать такой тяжелый детектор на столь тонком манипуляторе.

Радиометр постепенно подвели к камню, пока она не скомандовала:

– Хватит! Включаем.

Техник отдал команду Луноходу, и взгляды всех присутствующих скрестились на циферблате. Сигнал нужно было ждать десять секунд.

Ничего. Никакой радиоактивности.

Она нахмурилась:

– Что-то неправильно. Должна быть радиация, по крайней мере фоновая. А ну еще раз команду отправьте.

И на этот раз сигнал пробился. Да так, что стрелка прыгнула в дальний конец шкалы.

У нее глаза полезли на лоб.

– Боже мой! – воскликнула она. По всему телу прокатилась дрожь возбуждения. – Он радиоактивный!

12

Эллингтон-Филд, Хьюстон

– Ну как, готова моя пальма-истеричка?

Оперативный дежурный поднял голову и взглянул в улыбающееся лицо Тома Хоффмана. Том, пилот истребителя, относился к вертолетам с давним и глубоким презрением. Он дал согласие попрактиковаться в роли вертолетчика с частичной занятостью лишь из-за того, что ему предстояла высадка на Луну, а значит, требовалось отработать различные сценарии прилунения с использованием более простого аппарата.

– Конечно, Том. – Дежурный передал Тому толстый журнал учета по «Белл 47G», собрание ежедневных сертификатов летной готовности. Том пробежался взглядом по выполненным операциям техобслуживания, ничего нового не заметил и нацарапал подпись рядом с датой. После этого снял шлем и перчатки с полки и вышел на пандус Эллингтон-Филд.

В небе клубились пушистые кучевые облачка, ветер дул с юга, и мартовское солнышко Хьюстона, к его удивлению, припекало. В «аквариуме» – накрытом плексигласовым пузырем кокпите вертолета – будет адски жарко. Том порадовался, что сделал остановку у фонтанчика.

Техник подкатил к вертолету большой мобильный огнетушитель: обязательная мера предосторожности при каждом запуске двигателя. Том положил шлем на правое сиденье, натянул перчатки и быстро прошелся вокруг вертолета. Он заметил, как Люк вдалеке упражняется с «Кроваткой», и решил туда слетать и понаблюдать за процессом.

Том забрался на левое сиденье, пристегнул страховочные ремни, нахлобучил на голову шлем и подключился к аппаратуре связи. Вытащив из кармана штанов список, он быстро проделал предпусковые действия. Поднял палец, описал окружность так, чтобы на земле видели, запустил двигатель и проверил все системы. Удовлетворившись, он отсалютовал технику и понаблюдал, как тот уводит огнетушитель.

Напоследок окинул пристальным взглядом приборную панель: полеты на вертолетах все еще казались ему чем-то неестественным, требовалась повышенная осторожность. Потом вызвал по радио контрольно-диспетчерскую башню Эллингтон-Филд и попросил разрешения на взлет. Получил его и начал пилотирование.

В левой руке он держал ручку газа. Повернул ее, как на мотоцикле, и двигатель набрал обороты. Тот выдавал всего лишь сто семьдесят пять «лошадок», и, заставляя столь маломощный двигатель раскручивать два здоровенных ротора над головой, легко забыться и потребовать от механизмов слишком много.

Ручка была смонтирована на конце длинного рычага с шарниром на дальнем конце. Поднимая руку, Том менял угол, под которым роторные лопасти наверху рассекали воздух, и увеличивал тем самым подъемную силу. Дизайн прост и интуитивно понятен: отводишь вверх и поднимаешься, уводишь вниз и опускаешься. Поскольку все лопасти несущего винта движутся одновременно, управление называется объединенным. Том один раз поднял и затем опустил рычаг на холостом ходу, убеждаясь, что он движется свободно.

Правой рукой Том удерживал то, что выглядело (и ощущалось) как штурвал самолета. Перемещая штурвал по кругу, можно было менять углы атаки лопастей, отклонять вертолет взад-вперед, задавать крен влево-вправо. Каждая лопасть способна была описывать полный круг, и называлось это циклическим шагом винта. Впервые увидев, Том обозвал его *циклическим*, но с тех пор его научили грамотному произношению.

Давя ногами на педали, он задействовал маленький рулевой винт, смонтированный на конце длинной хвостовой балки. Это позволяло создавать боковую силу, достаточную для компенсации реактивного крутящего момента несущего винта, и направлять вертолет по прямой.

Том еще раз огляделся, убеждаясь, что вокруг никого, и взялся за объединенный механизм управления: ручка газа поворачивалась, выдаваемая мощность двигателя увеличивалась. Вращение винтов оторвало шасси вертолета от гудрона. Том нажал левой ногой на педаль, мешая реактивному повороту. Правой рукой он постоянно менял циклический шаг винта, удерживая машину в идеальном равновесии. Потребовалось много практических занятий с терпеливым инструктором, чтобы Том научился зависать в воздухе, но теперь, сосредоточившись, он это выполнял без труда.

Он отвел вертолет от пандуса и переключил радиочастоту:

– Диспетчерская Эллингтон, это НАСА-948. Я хотел бы пролететь над лунным аппаратом и понаблюдать за ним в работе, потом поработать к востоку от аэродрома на протяжении тридцати минут или около того.

– Вас слышим, 948-й. Выполняйте. Движения в запрошенном вами районе нет.

Том дважды щелкнул кнопкой микрофона, подтверждая прием, выполнил правый поворот и полетел прямо к Люку, который как раз отрывался от земли в летательном аппарате отработки лунных посадок.

– Люк, это Том, я над тобой в «аквариуме», ты не против, если я со стороны поглазею?

– Нет проблем, Том. Я самые обычные маневры выполнять буду.

Том держался на расстоянии так, чтобы винты его вертолета не создавали помех Люку. Люк прорабатывал маневры посадки, Том копировал его действия на вертолете. Настоящая высадка на Луну потребует от Тома управления ЛМ, а Люк будет сидеть справа и ассистировать.

Люк мягко коснулся земли.

Том переключил связь:

– Неплохо для морпеха.

– Спасибо, босс.

– Если тебе нужен будет какой-нибудь совет от старшего офицера, просто звякни. Я на восток.

– Понял. Удачи с моторчиком.

Том хмыкнул. Перед поворотом в сторону залива Галвестон-Бэй он заметил Каза, стоявшего так, чтобы хорошо видеть тренировку Люка. Том кивнул Казу, тот вскинул в ответ руку с отставленным большим пальцем.

Внизу потянулись сотни акров пастбищ, расположенных сразу к востоку от Эллингтон-Филд. Хорошее место для полетов, никого не беспокоишь, за исключением некоторых техасских длиннорогих. Он поднялся до тысячи футов, преодолевая турбулентные потоки разогревавшегося воздуха и чувствуя, как стекает по бокам пот. В настоящем полете ЛМ бортовой навигационный компьютер в автоматическом режиме доставит его к лунной поверхности. Том должен будет переключиться на ручное управление в пяти сотнях футов над Луной, на скорости сорока миль в час, в двух тысячах футов по горизонтали от места высадки. Это место прозвали Нижними Воротами, и сейчас Том маневрировал так, чтобы сымитировать условия приближения к нему. Глянув вперед, он счел, что одинокая корова на открытой местности – хороший ориентир при посадке.

Вертолет начинало серьезно потряхивать в воздушных течениях, и Том прилагал усилия, чтобы не отклоняться от выбранного направления. Плавно задействуя объединенное управление, он замедлял спуск, а с циклическим шагом несущего винта работал, добиваясь скорости движения сорок миль за час. Ног не отрывал от рулевых педалей, держа курс прямо на корову. Проверив скорость и высоту, он вслух произнес слова, которые потребуются сказать ему или Люку:

– Хьюстон, это «Бульдог», пятсот футов, спускаюсь на... – он снова посмотрел на показатель вертикальной скорости, – пятнадцати. – Он слегка отпустил рычаг объединенного

управления и летел вперед, используя только ручку циклического шага и сосредоточившись на корове в двух тысячах футов по курсу.

Неожиданно сильная турбулентность застала Тома врасплох. Он будто в воздушную яму попал и почувствовал, как вертолет стремительно падает.

– Черт побери!

Заход на посадку безнадежно испорчен: на Луне нисходящих вертикальных течений воздуха не будет. Он агрессивно навалился на ручку циклического шага, стараясь не потерять в скорости.

Инстинктивное действие пилота реактивного истребителя, но абсолютно ошибочное для вертолетчика – глупая ошибка новичка.

Устройство механизмов, передающих движение руки Тома на крутящиеся лопасти, было довольно сложным. Ручка управления циклическим шагом соединялась через систему тяг и пружин, проложенных у пилота под ногами, затем наверху за спиной и выше крыши «аквариума» с тарелкой автомата перекоса, изменение положения которой меняет направление оси конуса несущего винта. Когда Том налег на ручку, тарелка автомата перекоса накренилась, что должно было бы изменить угол атаки лопастей.

Но то, что принял Том за турбулентность, в действительности было неполадкой поворотного шатуна одной из тяг: там разболталась плохо завернутая гайка. Вибрация и центробежная сила, действуя совместно, продолжали все быстрее раскручивать гайку, пока та не отлетела совсем, и тяга механизма управления циклическим шагом тут же потеряла связь с автоматом перекоса. Лопать винта, выйдя из-под контроля, выровнялась по потоку, и подъемная сила, создаваемая ею, обнулилась.

Вертолет Тома теперь удерживала в воздухе только одна лопасть.

Он продолжал что есть сил давить на рукоятки, а оставшаяся лопасть все агрессивнее резала воздух, создавая пронизывающую до мозга костей вибрацию – и с нею чрезмерное силовое напряжение в корпусе аппарата. Крутящий момент опускал нос вниз быстрее, чем могли отклониться большие лопасти несущего винта, а хвостовая балка стремительно задиралась. В мгновение ока лопасти ударили по хвосту, и кончики их, вращавшиеся на скорости шестьсот пятьдесят футов в секунду, вонзились в приводной вал рулевого винта. Столкновения тот не выдержал и отвалился.

Том почувствовал, как вертолет начинает неуправляемо вращаться. Маленький двигатель производства компании «Франклин» продолжал работать на полную мощность, пока сам Том выжимал ручку газа на максимум: в результате фюзеляж без противодействия рулевого винта раскручивался все быстрее. И вдруг у «Белл 47G» пропала вся подъемная сила, а с ней и контроль направления. Машина грохнулась с высоты пятисот футов, точно вращающийся валун весом в тонну. Том все еще держал руки на рукоятках, взывая к подъемной силе, а ноги – на педалях, надеясь сдержать вращение, когда жалкая развалина, в которую превратился его вертолет, столкнулась с жесткой почвой безлюдного пастбища. При ударе скорость аппарата достигла двухсот миль в час.

Весь полет продолжался одиннадцать минут, и два пузатых топливных бака оставались практически полны. При крушении их сорвало со стоек, и авиационное топливо с октановым числом 80/87 разбрызгалось, окружая раскаленный двигатель туманной дымкой. Туман мгновенно возгорелся, а пламя перекинулось на разбитые баки.

Том оставался пристегнутым к креслу, но уже не мог двигаться из-за серьезнейших травм, полученных при ударе, когда его вертолет исчез в пламени взрыва.

13

Эллингтон-Филд

Люк первым заметил пламя и жирный черный дым, вздымавшиеся оттуда, где летал Том. Но к моменту, когда он взялся за рацию и доложил об этом, старший дежурный в диспетчерской уже сидел на телефоне, перекрикиваясь с группой быстрого реагирования Эллингтон-Филд, а его заместитель вызывал пожарных округа Харрис.

Крушение произошло в сельской местности, и доступ к обломкам вертолета был затруднен. Спасатели, выдвинувшиеся с базы, проехали до восточной части аэродрома, отперли большие ворота и помчались по ухабам, ориентируясь на столб дыма. Пожарные машины округа Харрис, завывая сиренами, пробирались к месту крушения по гравийным дорогам, предназначенным для сообщения с нефтяными скважинами. Обеим командам приходилось тормозить и прорываться сквозь изгороди из колючей проволоки, задерживавшие фермерский скот. Эллингтонцы подоспели раньше, но у них на это ушло четырнадцать минут. К тому времени топливо уже догорало, а скот сбился на краю поля; коровы стояли рядком, глядя на пожар с озадаченным и тревожным видом.

Вертолет Тома падал вертикально вниз, но сила удара перекосила шасси, и аппарат накренился. Лопасти несущего винта обломались на центральном валу и теперь валялись поперек обломков большой перевернутой буквой V. Хвостовую балку покорежило так, что она скорее напоминала упавшую и смятую опору ЛЭП.

Оранжевое пламя все еще лизало почерневшие центральный блок двигателя и трансмиссию. От жара окрестная трава запыхала, эллингтонские спасатели вынуждены были сперва залить ее водой из грузовика и только потом переместились ближе. Один из них загасил оставшиеся после воды языки пламени пеной из переносного огнетушителя, после чего начальник группы и старший врач рискнули подойти к кокпиту.

Тело Тома оставалось на месте, удерживаемое наплечными номексовыми ремнями. Синий огнеупорный скафандр не сгорел, а лишь обуглился снаружи, и почерневший шлем еще сидел на голове. Начальник приблизился. То, что он увидел внутри шлема, вынудило его быстро отвернуться.

Пожарные округа Харрис подкатили в тот самый момент, когда врач с базы Эллингтон проверяла, нет ли в Томе признаков жизни. Подняв голову, она окинула взглядом обе команды и покачала головой. Спасать было некого, горячка спешки унялась, и два начальника отрядов остались стеречь место катастрофы до прибытия следственной группы и окружного коронера.

* * *

Вызвав пожарных, старший дежурный по диспетчерской башне позвонил операторам НАСА, а тамошний руководитель отправил на подмогу фургон с авиатехниками. Люк сразу приземлил «Кроватку» и, ошеломленный, выбрался наружу, встав рядом с Казом. Оба надеялись на лучшее и опасались худшего. Каз поголосовал проезжавшему мимо фургону НАСА, и они с Люком залезли внутрь.

Люк посмотрел вперед, на опадавший черный плюмаж дыма, потом на Каза. Придерживаясь за поручень (фургон кидало из стороны в сторону на рытвинах), Каз крикнул, перекрывая шум:

- Что ты видел?
- Только дым.

Каз кивнул. Оба были летчиками-испытателями. Крушения с летальным исходом – часть повседневной работы, поэтому важнее всего понять причину. Кроме того, расследование поможет сосредоточиться, отчасти заглушит боль личной трагедии и утраты.

– Нет смысла строить догадки, пока не узнаем больше, – сказал Каз. – Надеюсь, Том сам нам расскажет.

– Каз, мать же его перемать, у нас всего месяц до старта.

Каз печально скрестил пальцы.

На месте крушения большого движения не наблюдалось: летчикам не было нужды задавать вопросы, все и так стало ясно.

Начальник эллингтонцев приблизился к фургону. Лицо его было мрачнее тучи.

– С сожалением вынужден сообщить вам, что пилот погиб. Мы за пределами базы, на земле округа, поэтому, пожалуйста, не подходите, пока не приедет полиция. – Все услышали завывание сирен вдалеке. – Ага, вот и они.

Каз, старший по рангу из присутствующих, развернулся к представителю НАСА:

– Необходимо немедленно связаться с руководителем подготовки астронавтов, директором Центра, ответственным за связь с ВВС и штаб-квартирой НАСА. – Он покосился на Люка и задержал взгляд. – И семьей Тома. Можно мне твою рацию?

* * *

Они собрались в конференц-зале Центра подготовки астронавтов, на третьем этаже здания № 4. Присутствовали все астронавты, от НАСА и военного проекта MOL, а также Джин Кранц и доктор Мак-Кинли. Поскольку Каз побывал на месте крушения, Эл Шепард попросил его выступить первым.

Каз глубоко вздохнул:

– Как вы все уже слышали, Том Хоффман этим утром погиб, выполняя одиночный тренировочный полет на вертолете непосредственно к востоку от базы Эллингтон. Мы с Люком прибыли на место катастрофы через двадцать минут после крушения и причину его определить сразу не сумели... Том назначил Люка своим душеприказчиком, так что пускай он и отправится в дом Хоффманов и побудет с Маргарет. Я также просил бы высказаться доктора Мак-Кинли, поскольку он только что с места крушения, где общался с окружным коронером.

Каз сделал знак Дж. У.

– Отчет coronera последует через пару дней, но сомнений нет: погиб Том от столкновения с землей. Шея и позвоночник сломаны, случилось это быстро. – Дж. У. окинул взглядом собравшихся, ища зрительного контакта. – После этого случился пожар, но Том к тому моменту умер.

Несколько человек кивнули. Все они отдавали себе отчет в том, как близко рядом со смертью летают, и все как один предпочитали, чтобы она постигла их быстро. Все боялись огня. Экипаж «Аполлона-1» сгорел заживо шесть лет назад в ходе репетиции запуска, в запечатом модуле, и то происшествие всех потрясло до глубины души.

Заговорил Джин Кранц:

– Господа, сегодня ужасный день. Нам нужно определить причину, по которой Том погиб в тренировочном вертолете, но не забываем, что шестнадцатого апреля у нас запуск. Как ни ужасно случившееся, как ни неприятно мне это говорить, но, собственно, ради таких вот случаев нам и нужны дублирующие экипажи. – Он посмотрел через комнату на Эла Шепарда. – Подготовка миссии «Аполлона-18» уже оказалась чрезвычайно сложна, но теперь нам требуется как можно скорее определиться с заменой. Когда это произойдет, сможем понять, какие этапы подготовки необходимо ускорить.

Шепард кивнул. Кранц загнал последний шар в лузу:

– Нужно определиться с новым составом экипажа, а потом всем сотрудникам Центра – работать сутки напролет, чтобы спустя тридцать один день этот экипаж успешно покинул Землю и отправился к Луне.

* * *

Когда совещание окончилось, Алан Шепард собрал в своем офисе шестерых астронавтов. Закрыв дверь и произнес:

– Ребята, у нас полно работы, но прежде – тридцать секунд молчания в память о Томе Хоффмане.

Некоторые склонили головы в неслышной молитве, другие уставились в пространство. Каз обнаружил, что его терзает болезненная мысль: он ведь собирался сказать Тому, как его лицо украсит обложку журнала... Теперь уже не украсит.

Шепард вскинул голову.

– Спасибо, парни, – произнес он, и все повернулись к нему. Шепард принялся загибать пальцы: – Мы уже запустили расследование инцидента, и нам для этого нужен астронавт. Нашим сыщиком будешь ты, Бин... – Эл Бин, астронавт, ходивший по Луне в миссии «Аполлона-12», кивнул. – Ты участвовал в расследовании случая с Сернаном...

Астронавт Джин Сернан выжил в катастрофе вертолета два года назад, когда опустился слишком низко над мысом Кеннеди. Бин помогал расследовать тот инцидент, одновременно стараясь спасти карьеру Сернана-астронавта. Шепард это оценил.

Шепард загнул второй палец:

– Люк сейчас с семьей Тома, но мне нужно, чтобы он не отвлекался от «Аполлона-18», поэтому, Каз, обязанности душеприказчика переходят к тебе.

Каз ответил:

– Я согласен.

Третий палец:

– Джин был прав. Нам нужен новый экипаж для Восемнадцатого, и нужен прямо сейчас. Мы так поступали после других крушений на тренировках, после пожара на «Аполлоне-1» и заземления Т. К. перед Тринадцатым.

Астронавт Т. К. Маттингли случайно пересекся с больным краснухой за три дня до старта, и его место в экипаже «Аполлона-13» экстренно занял дублер Джек Суайгерт.

– Астронавты MOL мне, строго говоря, не подчинены, – продолжил Шепард, – но я уверен, что в Вашингтоне и ВВС прислушаются к моим рекомендациям. – Он посмотрел сперва на Чада Миллера, затем на Майкла Исдэйла. – До запуска так мало времени, что всем проще будет обойтись без полной замены состава экипажа. Я посоветую оставить в команде Люка с Майклом, а командиром экспедиции «Аполлона-18» назначить Чада.

Лицо Чада хранило бесстрастное выражение, но Каз заметил, как в его глазах разгорается искра восторга.

Новый командир экспедиции ограничился кратким ответом Шепарду:

– Спасибо, Эл.

– Персонал тренировочного центра по моему указанию уже перекраивает график с сегодняшнего дня и до старта, – сказал Шепард, – чтобы Чад, Люк и Майкл получили все необходимое. Вертолеты на некоторое время припаркуем, но остальные тренировочные процедуры и симуляции остаются в силе. Команда отправляется на мыс двадцать шестого марта, так что... – тринадцать глаз повернулись к настенному календарю, – у нас осталось десять дней. – Он по очереди встретился взглядом с каждым. – Есть вопросы?

Они были люди военные. Случилась смерть, потерю признали, а теперь получены новые приказы. Все отрицательно качнули головами.

– Отлично, – сказал Шепард, – в таком случае продолжаем подготовку запуска «Аполлона-18».

14

Тимбер-Коув, Хьюстон

– Каз, как ты планируешь это уладить?

Дж. У. занял пассажирское сиденье «сателлита» и перелистывал бумаги в папке: документы, подписанные в офисе руководителя группы подготовки Томом Хоффманом на случай смерти.

Каз глубоко вдохнул и медленно выдохнул:

– Я возьму инициативу на себя. Нужно разгрузить Люка, чтобы возвращался к работе поскорее, убедиться, что Маргарет справляется, насколько вообще возможно, – это главная причина, по которой я попросил тебя составить мне компанию. И ответить на все ее вопросы о том, что случилось и что происходит сейчас.

Дж. У. кивнул, продолжая листать бумаги.

– Я несколько раз встречался с Маргарет. И видел однажды ее мальчика и девочку, когда они в клинику приезжали. – Он мрачно взглянул на Каза: – Дерьмовый денек.

Каз свернул с дороги НАСА-1 на Кирби-бульвар и затем направо, на Олд-Кирби-роуд. Астронавты селились кучно, в трех новых поселках на набережной, которые были построены одновременно с возведением Центра пилотируемых космических полетов. Хоффманы выбрали Тимбер-Коув, их уютное шлакоблочное бунгало выходило на Тэйлор-Лэйк. Каз припарковался под несколькими редкими здесь живыми дубами, отметив, что машина Люка стоит на подъездной дорожке, за универсалом-комби Маргарет.

Они позвонили в дверь. Откликнулся Люк. В доме было тихо, горело тусклое освещение. Люк провел их в гостиную с широким панорамным окном, выходящим на коричневый озерный байу. Обстановка тут отражала жизнь Тома на службе в ВВС: диванчик и кресла не совмещаются друг с другом по цвету, но уютные; боковой столик из светлого каштана и складная ширма – из тура на Окинаву; со стен глядят улыбающиеся портреты сослуживцев и семьи. У отделанной деревянными панелями стены – большой телевизор в корпусе из красного дерева со стереоакустической системой. На нем – свадебная фотография Маргарет в белом и Тома в синей униформе офицера запаса, оба молодые, смеются, пригибаясь и проходя под аркой из воздетых мечей.

Маргарет сидела на диванчике и смотрела вдаль через озеро. Глаза красные, но уже не плачет. Обнимает двоих детей, которые, как могут, крепко прижимаются к ней. Старшая девочка тихо плакала. Малыш уснул. Маргарет, кажется, не заметила, как вошли Каз с Дж. У.

Люк молча сделал им знак пройти на кухню. Он наполнил чайник.

– Я был вынужден попросить Дороти, жену Майкла Исдэйла, забрать детей из школы; она тут недалеко и вернется, как только будет нужна Маргарет. Я отвечал на звонки по телефону и в дверь, все соседи спешат предложить помощь. Новость быстро разнеслась. Маргарет держится неплохо. Я не посвящал ее в подробности. Сказал только, что произошло крушение вертолета и Том не выжил. – Он достал две кружки из кухонного шкафа и поставил рядом с ними банку растворимого «Нескафе». – У нас самообслуживание.

Дж. У. распределил кофе по кружкам и, дождавшись закипания чайника, налил горячей воды. Потом передал Казу его кружку.

– Эл не хочет весь экипаж перетряхивать, – сказал Каз, помолчав. – Новым командиром назначен Чад.

Люк кивнул.

– Это разумно. Минимизирует изменение ситуации. – Он печально поглядел на собеседников. – Но Чад – неровня Тому Хоффману.

Каз кивнул:

– Меня попросили взять на себя обязанности душеприказчика, так что ты возвращайся к тренировкам. – Он помедлил. – Тебя это устроит? Думаешь, Маргарет справляется?

Люк пожал плечами:

– Когда Том попросил меня стать его душеприказчиком, мы и не думали, что нам это... – Голос его оборвался. Отвернувшись, Люк дважды глубоко вздохнул, потом сказал: – Все верно. Если мы вообще собираемся на Луну, мне пора возвращаться к работе. Пойдем скажем Маргарет.

* * *

Мартовская погода подстроилась под общее настроение того дня: над Мексиканским заливом ползли низкие серые тучи. К обеду задождило, порой, когда над головой проползали более плотные облака, дождь усиливался до настоящего ливня. Тяжелые капли с металлической монотонностью барабанили по жестяной крыше «Ю-Джойнт», создавая фоновое шумовое сопровождение поминок по Тому Хоффману.

Центр пилотируемых космических полетов НАСА был своего рода заводом. Он работал на странном сырье из человеческих мечтаний, изобретательности и упрямства; подавалось сырье на трудоемкий конвейер, проходило стадии тестирования и тренировок, а в конце сборочной линии появлялись астронавты и группы техподдержки, готовые к космическим полетам. Работал исправно, как часы. Как лучшие в мире часы.

Когда происходил несчастный случай, производственный конвейер останавливали. Проводили внутренние проверки, испытания, добиваясь уверенности, что машинерию снова можно запустить, а до тех пор заводские рабочие, как бы креативны и умелы они ни были, сидели без дела.

На мокрой от дождя травяной парковке перед «Ю-Джойнт» не протолкнуться было от машин. Внутри соблюдалась естественная иерархия: космолетчики программы «Аполлон» занимали сидячие места за столиками, младшие инженеры оставались на ногах из уважения к рискующим жизнью астронавтам.

Команда «Аполлона-18» – Чад, Люк и Майкл – сидела за своим столом. Четвертый стул пустовал. Трое не платили за выпивку. Дженни продолжала приносить ее за счет заведения.

Чад подался вперед, к двум напарникам, облокотясь о столешницу и устроив подбородок на скрещенных руках. Пускай и в столь ужасных обстоятельствах, сегодня он принимал на себя командование экспедицией. Ему и этим двоим предстояло вместе совершить дело чрезвычайно опасное и требующее колоссального напряжения сил.

Он позволил себе легкую усмешку, решив, что это неплохое начало новых взаимоотношений, потом сказал:

– Напомните, чудики, где я вас двоих впервые повстречал-то?

Майкл не удержался и фыркнул.

– Пакс-Ривер. Мы с Люком еще летнюю школу не окончили, а вы с Томом блистали в ВВС, вас только что в MOL отобрали. Ты явился нашему классу лекцию прочитать.

Люк поднял взгляд от оседавшей пены в кружке с пивом, которую философски созерцал.

– Если точнее, мы встретились у «Зеленой двери». – У ВМФ это заведение соответствовало «Ю-Джойнт»: кантри-бар в Южном Мэриленде, любимое местечко флотских летчиков-испытателей. – Припоминаю, что вечерок тот вошел в местные легенды.

– Ага, вы правы. Я теперь припоминаю. – Натянутая усмешка стерлась с лица Чада. – Том был тем вечером там с нами. И навсегда останется.

В распашные двери проследовали Дж. У. и Каз, основательно промокшие под дождем; остановившись, они стали топтать подошвами.

Чад помахал им, указывая на свободное место за столиком. Дж. У. вопросительно посмотрел на Каза, который вместо ответа сгреб стул, стоявший у музыкального автомата, и перетащил его к столу, вознеся над головой. Дженни, направлявшаяся обновить выпивку, заметила новоприбывших и добавила два виски, пиво и кофе на поднос.

Когда они устроились за столиком, Люк первым нарушил молчание:

– Как дела у Маргарет?

– Примерно так, как и можно было ожидать. Дороти сейчас с ней.

Каз отпил пива и стал оглядываться:

– А тут сегодня людно.

Чад кивнул.

– Пора мне толкнуть речь.

Он отставил стул и взгромоздился на него, держа в руке кружку. В зале быстро воцарилось молчание, все повернулись к одинокой фигуре на стуле. Кто-то приглушил громкость музыкального автомата, игравшего печальную мелодию.

– Всем наполнить бокалы и кружки. Мы сегодня потеряли одного из своих. – Чад медленно поворачивал голову, окидывая взглядом зал. – Оглянитесь вокруг. На стенах этого места – наша история, наши герои. Некоторым удалось выбраться в космос. Иные даже по Луне хаживали. Многие погибли, стремясь к этому. Космические полеты сложны, они требуют от нас выкладываться по полной. Иногда недостаточно даже выложиться по полной. Сегодня утром мы потеряли друга, пилота-испытателя, мужа и отца и просто чертовски хорошего астронавта, который должен был отправиться на Луну.

Дж. У. перехватил взгляд Чада. В руках доктор все еще держал папку с документами Тома. Он извлек оттуда глянцевый портретный фотоснимок НАСА формата восемь на десять дюймов и передал его Чаду.

Чад поднял фотографию над головой, выставляя ее на всеобщее обозрение.

– Давайте же почтим память Тома Хоффмана.

Он слез со своей импровизированной кафедры и направился через зал к стене, отведенной под фотоснимки погибших астронавтов. Отыскав там свободный участок, он аккуратно прикрепил фото; пришлось позаимствовать пару канцелярских кнопок с других снимков. Подняв кружку, он поднес ее к портрету Тома и тихо произнес:

– Экипаж «Аполлона-18» клянется сделать все, что в наших силах, чтобы мы не посрамили твоей памяти.

И развернулся к толпе:

– Дамы и господа, выпьем за человека, который ушел слишком рано. И за то, чтобы его труды не пропали втуне, за успех моего экипажа в полете «Аполлона-18». – Он помолчал. – За Тома Хоффмана!

Громогласное эхо тоста разнеслось по комнате.

Чад стоял слишком далеко, чтобы заметить, как двое его напарников по экипажу чуть поморщились, услышав это «моего».

На миг повисло молчание, затем Люк, чтобы загладить неловкость, крикнул:

– Том любил вечеринки и теперь, раз уж он там, на стене, этой точно не пропустит. Ну, погудим!

Музыкальный автомат снова завели на полную громкость; к пульсирующим клавишным *Crocodile Rock* присоединились размеренная перкуссия дождя по крыше и голоса начинавшей галдеть толпы.

* * *

Каз заметил в сигаретном дыму среди толпы Лору, забрал со столика свое пиво и протолкался к ней. Она улыбнулась, увидев его, но тут же овладела собой:

– Каз, мне так жаль, что ты потерял друга.

– Спасибо за сочувствие, – ответил он, – это было ужасно. Можно я тебя угощу?

Она вместо ответа подняла свою почти полную кружку.

Он чокнулся с ней.

– За Тома. – Оба выпили.

– Я так толком и не поблагодарила тебя за то, что взял меня в полет, – сказала Лора. – Понимаю, для тебя это дело обычное, но для меня – праздник. – Она с мрачным юмором окинула взглядом ученых своей группы. – Я всем уши прожужжала, рассказывая подробности. В смысле, до сегодняшнего дня.

– Ты мне помогла вспомнить, как это приятно.

– Рада, – сказала она. Мгновение смотрела на свое пиво, потом подняла глаза и встретилась с ним взглядом. – Думаешь, смерть Тома задержит экспедицию?

Каз осознал, что многие присутствующие задают себе этот вопрос.

– Нет. Мы постараемся натаскать экипаж с новым командиром к сроку.

Он покосился на столик команды, где теперь остался один Чад. Тот сидел и смотрел на стену, к которой прикрепил недавно фотопортрет Тома. Каз осознал, что впервые видит Чада погруженным в раздумья.

Не вино его. Наверняка это реально тяжело.

Он перевел взгляд в поисках Люка и Майкла; те сидели в центре группы астронавтов-ветеранов. Все целеустремленно напивались.

Лора нахмурилась:

– Как вам это удастся?

Каз озадаченно посмотрел на нее:

– Удастся что?

– Так быстро приходить в себя. Даже мы в селенологической лабе весь день точно зомби. Собственно, потому-то сегодня вечером сюда и заявились.

Каз отвернулся.

– Всем тяжело, – ответил он. Потом снова посмотрел на Лору, прямо в глаза. – Положенные слова сказаны, а пиво тебе, по правде сказать, без надобности. Верно? Поехали отсюда?

Она покосилась на своих друзей, потом кивнула. Каз спросил:

– Твой «жук» поблизости?

– Да. К счастью, бак полный.

– Встречаемся у меня?

Лора пару мгновений смотрела на него, потом откликнулась:

– Конечно. Почему бы и нет?

* * *

Оба вымокли до нитки, пока бежали от автомобилей к дому, так что пришлось набросить полотенца на плечи, устраиваясь рядышком на диване. Каз откупорил бутылку кьянти, ароматного и согревающего в сырость.

Лора отпила вина и вздохнула:

– И каким же будет ответ на мой вопрос?

Каз все это время обдумывал его.

– По правде сказать, мы так или иначе свыклись. – Он глянул в сырую ночь, хлеставшую по окну струями дождя. – Когда погиб первый мой приятель по эскадрилье, я не смог этого принять. Он превосходил меня как летчик, руками и ногами управлял великолепно, опыта у него было больше. Но однажды вонзился прямо в воду на большой скорости, снижаясь вертикально из низкой тучи. Ничего не осталось.

Он помедлил.

– У меня крыша ехала. Я хотел кого-то или *что-то* в этом обвинить. Я стал копаться в деталях, воссоздавать инцидент, перечитывал журналы техобслуживания самолета, выискивал в архивах флота данные о похожих происшествиях. Я пришел к нескольким более или менее правдоподобным теориям. Но в конце концов до меня дошло, что порой ответа найти не получается. Пилот высокотехнологичных самолетов – опасная профессия, время от времени убийственная.

Он склонил голову.

– Горечь не унялась. Я всегда буду по нему тосковать. Он должен с нами сейчас тут находиться, делить с нами жизнь. Вместе в старшем возрасте шутки шутили бы. Нечестно это. Нет, даже хуже. Это случайность.

Он отпил кьянти и медленно проглотил.

– Когда погиб следующий мой друг, внутри я ощутил ту же пустоту, но мне показалось, что с этой потерей я уживаюсь несколько легче. Я понимал, что могу предпринять, реагируя на нее, и чего не могу. Когда утром разбился Том, я почувствовал то же самое: невосполнимую утрату и прилив гнева, разочарования – возможно ли, что по моей вине упущено нечто важное, способное предотвратить это? Я чувствую потребность выяснить, что именно случилось, чтобы оно не повторилось, а также позаботиться о его семье.

Он развернулся посмотреть на нее.

– Рана такая же скверная, как тогда, но мой организм выработал способность закрывать ее своеобразными рубцами, чтобы справляться с последствиями. О каждом из этих парней я буду горевать всю оставшуюся жизнь. Но я по-прежнему здесь. Если бы несчастный случай произошел со мной, чего бы хотелось? Хотелось бы, чтобы друзья не теряли способности заниматься своей жизнью.

Лора подняла бокал:

– За твоих друзей, Каз, за хороших ребят, которых с тобой больше нет. И в особенности – за Тома.

Они чокнулись и осушили бокалы.

После этого Каз машинально совершил другой привычный в горестных ситуациях поступок: вытащил свою акустическую гитару «Грегч» с выпуклой верхней декой, гитару, которую купил в студенческие годы уже попользованной и таскал за собой повсюду, куда бы ни забрасывала его флотская служба.

Они сидели на диване в полумраке, Каз перебирал струны, наигрывая любимые свои мелодии, и негромко подпевал; Лора присоединялась к тем, для которых знала слова. Он пытался не сползть на грустные песни, но казалось, что значение слов каждой воспринимается сейчас по-новому в аспекте гибели Тома.

Он закончил играть *Fire and Rain*, берущие за душу слова Джеймса Тэйлора эхом отдались по комнате и затихли. Посмотрел на Лору в приглушенном свете, склонился притянуть ее к себе и поцеловал.

15

Вашингтон, округ Колумбия

Когда «Боинг-727» коснулся колесами бетонной взлетно-посадочной полосы Вашингтонского аэропорта, Каз уже чувствовал усталость. В округе Колумбия стоял полдень, но с «Ранчо Полли» Каз отбыл еще до зари, а полет рейсом «Истерн Эйрлайнс» расслабиться и подремать не позволял: в битком набитом салоне постоянно шумели. Даже в здоровый глаз будто соли насыпали.

Теперь Каз ехал в такси через мост на 14-й улице в южную часть округа, мимо мемориала Джефферсону и флотской верфи в Нэви-Ярд, затем машина углубилась в Мэриленд, взяв курс в сторону Балтимора. Пока такси петляло по лесной дороге через Патаксентский заповедник, Каз в очередной раз ловил себя на вопросе о том, с какой радости понадобилась Филлипсу личная встреча. Единственное изменение в ситуацию привнесла смерть Тома три дня назад. Замена командира экспедиции очень значима для тренеров НАСА, но для АНБ? Вряд ли. Если, конечно, от Каза что-нибудь не скрывают.

Он мысленно уточнил формулировку: Сэм Филлипс всегда имеет дело с тем, что от Каза скрыто. Ежедневно на этого человека обрушивается лавина информации из различных источников по вечно изменчивым технологическим каналам, и способ получения разведанных порою важен не меньше, чем сами эти данные. Директору АНБ затем приходится просеивать их сквозь сито, отделять ключевые сведения от маловажных, формулировать выводы и составлять рекомендации для военных, которые передают их по цепочке Объединенного комитета начальников штабов президенту и другим федеральным агентствам.

Например, цэрэушникам.

Каз прищурился, глядя через окошко салона такси на размытые скоростью деревья. Он слышал про нового шефа ЦРУ, Джеймса Шлезингера, слона в посудной лавке. Не в этом ли причина, по которой его вызвали? Не хотят ли часом использовать военную составляющую задания «Аполлона-18» как дополнительный козырь, противодействуя давлению со стороны Никсона и его цэрэушника?

* * *

– Заходи, Каз, заходи!

Генерал Филлипс, тепло улыбаясь, вышел из-за стола приветствовать его. Они пожали друг другу руки. Поджарое приятное лицо Филлипса гармонировало с высокой сухощавой фигурой. Из нагрудного кармана белой рубашки с короткими рукавами торчали ручка и блокнот. Узкий коричневый галстук, скрепленный зажимом, повязан аккуратным виндзорским узлом. Плиссированные шерстяные ворстедские брюки перехвачены высоким тонким коричневым кожаным ремнем, хорошо сочетавшимся с коричневыми же, до блеска начищенными туфлями. Задумчивый военный в гражданском костюме.

Вошла Джен с двумя чашками кофе на подносе, хоть ее и не вызывали. Каз поблагодарил и потянулся за своей чашкой, испытывая признательность за кофеин. Филлипс подцепил с подноса вторую и увел посетителя к маленькому столу, где они и расположились. Посередине столешницы уже лежала зеленая папка для бумаг, на которой красными буквами значилось: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО».

– Ну и как тебе Техас? – поинтересовался Филлипс.

– Там равнина, жаркая и душная, – с улыбкой ответил Каз. – Но мне дали полетать, а снова увидеться с Люком и Майклом было приятно.

Филлипс подался влево и окликнул через приотворенную дверь:

– Джен, а Мо уже пришел?

Мысли Каза заметались. «Мо» – это наверняка адмирал Морис Вайснер, старший военный координатор миссии «Аполлон-18», заместитель начальника военно-морских операций.

– Я ему как раз кофе готовлю, генерал, – откликнулась Джен.

По косяку двери постучали:

– Разрешаешь войти, Сэм?

Вошел Мо Вайснер, с улыбкой баюкая в руках чашку кофе. Каз поднялся пожать адмиралу руку, а Филлипс указал тому свободное место за столиком. Вайснер во Вторую мировую служил младшим офицером на корабле, потопленном японскими торпедами; две сотни его сослуживцев погибли. Он переучился на летчика, торпедировал и утопил японский эскортный миноносец, после чего командовал тремя эскадрильями. Вайснер был в форменной рубашке с короткими рукавами и нагрудной нашивкой с его именем, над которой были аккуратно закреплены армейские награды летчика.

Адмирал сел и глянул на Каза из-под тяжелых век.

– Нормально долетел? – спросил он с протяжным теннисийским выговором.

Каз кивнул:

– Так точно, сэр, к завтраку рейсом «Истерн». – Он вскинул чашку. – Моя четвертая за сегодня.

– Я читал предварительный отчет о крушении, – начал Вайснер, взяв быка за рога. Напряженный взгляд карих глаз сфокусировался на Казе. – Явной причины установить пока не удалось. Я слышал, что ты побывал там. Ты как полагаешь, крушение произошло из-за механической поломки или ошибки Тома?

– Погода была хорошая, самолеты в окрестностях не летали, следов столкновения с птицей не найдено. Наверное, механическая неисправность какая-нибудь. Комиссия по расследованию все еще сортирует вещдоки.

Филлипс и Вайснер кивнули. Оба были пилотами самолетов, поэтому вертолетам не доверяли.

– Как там Миллер? – задал вопрос Филлипс.

– Как вам известно, сэр, Миллер тренировался с основным экипажем на случай чего-нибудь такого. Он сразу же заступил на должность командира экспедиции и свое дело знает, – ответил Каз.

– Не сомневаюсь, но справятся ли они? – произнес Вайснер. Он командовал на войне и вел людей в бой. Для него это было ключевым вопросом.

– Том был парень особенный, он сроднился с Люком и Майклом. Но Чад справится. «Аполлон-18» стартует вовремя.

Стартует. Заново укомплектованная команда покинет Землю ради того, что ей приготовили эти два высокопоставленных офицера.

Вайснер покосился на Филлипса. Тот проговорил:

– Мы получили некоторые новые разведданные по «Алмазу». Полагаем, что оптика на нем была существенно улучшена.

Он поднял бледно-зеленую папку и передал ее Казу.

Внутри обнаружилась подборка фотографий, на некоторых – стрелки и рукописные дополнения серебряными и черными чернилами. Каз взял первый снимок и поднес его к яркому свету из окна. Работая над диссертацией в Массачусетском технологическом, он анализировал советскую космическую программу, и ранние чертежи их космической станции запечатлелись в памяти.

– Они поменяли форму корпуса, – сказал Каз, проследившая пальцем новые очертания аппарата. По очереди исследовав другие снимки, он внимательно присмотрелся к фотогра-

фии, сделанной с наибольшим увеличением. – Оптическое окно отличается, радиаторы перемещены.

Он поднял голову:

– Согласен с вашим мнением, генерал. Они разместили там совершенно новое оборудование. – Он призадумался. – А имеются ли свежие разведанные о том, насколько полезна она может оказаться?

Высокопоставленные офицеры переглянулись, и снова заговорил Филлипс:

– Цэрэушники кое-что выяснили, и, похоже, Советы использовали при создании станции разных поставщиков, а на Московский сборочный завод переведен новый научный персонал.

Вайснер продолжил:

– Согласно нашим предположениям, исходный проект станции значительно усовершенствован.

Каз кивнул, перебирая в памяти компоненты различных систем.

– Без сомнений, сама по себе оптика «Алмаза» окажется лучше спутниковой шпионской автоматике, просто в силу размеров. – Он снова бросил взгляд на фотографии. – Изменение внешнего контура означает, что на станции сумели разместить отражающую оптику, и весь ее внутренний диаметр используется для фокусировки. – Он прикинул в уме. – Значит, разрешающая способность лучше метра. Возможно, даже несколько лучше фута. – Он поднял глаза на Филлипса и Вайснера. – Эта версия «Алмаза» вас двоих на улице различить сможет и распознает, кто из вас кто.

– Именно к такому выводу уже пришли мои аналитики, – отвечал Филлипс, – и появление у противника подобных возможностей означает, что нам следует переосмыслить нашу активность по всему миру: начиная от палуб кораблей и зарубежных баз до президентского гаража. «Алмаз» вынудит пересмотреть наши действия и ужаться. Вероятно, придется теперь проводить важные операции после заката, а это увеличит трудности, с ними сопряженные, и уменьшит шансы на успех.

Вайснер произнес:

– Как вам известно, в глубокой пустыне у нас проводятся кое-какие передовые исследования, способные радикально изменить военное дело. Но лишь в случае, если испытания удастся сохранить в тайне. Ты был летчиком-испытателем, Каз. Тебе известно, каково это – опробовать совершенно новый аппарат. Невозможно по ночам таким нормально заниматься.

Каз положил фотографии обратно в папку, потеряв интерес к техническим подробностям. Он чуял, куда ветер дует.

– Когда запустят «Алмаз»? – спросил он.

Филлипс ответил:

– Мы следим за обычными их приготовлениями к старту «Протона». По нашим наилучшим предположениям, недели через две. Где-то на первой апрельской неделе.

– После этого им потребуется некоторое время для проверки работоспособности «Алмаза» на орбите, – сказал Каз. – Настолько сложную камеру трудно полностью автоматизировать и управлять ею с Земли, а значит, если они хотят задействовать новые возможности по полной, придется запустить пилотируемый «Союз» и вывести его на траекторию пересечения со станцией, чтобы экипаж корабля пристыковался и наладил систему. Снимать предстоит исключительно на широкоформатную пленку, которую придется сбрасывать с орбиты в капсулах или хранить на борту до возвращения экипажа – вероятно, месяц-другой.

Он посмотрел на директора АНБ:

– Вы наблюдали признаки подготовки к старту «Союза»?

Филлипс покачал головой:

– Нет. Еще нет. Мы по-прежнему рассчитываем запустить «Аполлон-18» прежде, чем будет совершен первый пилотируемый полет к «Алмазу» на «Союзе».

– И, как вы уже наверняка догадались, наше окно возможностей открывается в период, когда «Алмаз» будет дожидаться экипажа, – сказал Вайснер. Посмотрев на Каза, он присовокупил ключевое замечание: – Дождаться беззащитным.

Каз встретил адмиральский взгляд и выдержал его. Было вполне очевидно, к чему клонят эти двое. Предложение шокировало.

– Значит, съемки «Алмаза» вблизи уже недостаточно.

Оба высокопоставленных офицера покачали головами.

– Вы приказываете команде «Аполлона-18» вывести из строя советский космический аппарат?

Оба кивнули.

Каза продрал мороз по хребту. Он произнес:

– Итак, впервые за историю Соединенных Штатов мы намерены совершить акт военной агрессии в космосе.

16

Кабинет руководителя Центра пилотируемых космических полетов, Хьюстон

– Нам предстоит сделать *что?*.. – В голосе Люка смешались гнев и недоверие.

Каз назначил по телефону срочную встречу трем ключевым участникам, еще когда был в Вашингтоне. В кабинете Джина собрались три члена экипажа, а также Эл Шепард и сам Джин Кранц. Дверь закрыли.

Каз привез с собой в Хьюстон папку с надписью «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО», и теперь собравшиеся изучали новые фото «Алмаза».

– Это прямо из Объединенного комитета начальников штабов, и Белый дом благословил. «Аполлону-18» вменяется в задачу вывести из строя «Алмаз» до прибытия туда экипажа.

Люк поднял один из снимков и уставился на него.

– И как, вашу мать, мы должны ее выполнить?

– Хороший вопрос! В НАСА выдвинули несколько предложений насчет уязвимых участков, куда можно добраться с режущим инструментом: антенные кабели, трубки теплоносителя охлаждающего радиатора, панели солнечных батарей, стыковочный узел, топливопроводы. Но это означает, что маневрировать придется в непосредственной близости от станции и быть готовыми к прогулкам в космосе.

Чад резко выдохнул через нос.

– В Вашингтоне вообще понимают, чего просят? Это чрезвычайно опасный план.

– Ага. Я то же самое им сказал, а мне ответили, что от нас требуется «приложить все усилия». – Каз для убедительности изобразил пальцами кавычки. – Новый шеф ЦРУ, этот Шлезингер, придал заданию наивысший приоритет, а он президенту на ушко нашептывает.

Джин Кранц уже обдумывал практические аспекты:

– В наборе инструментов для внекорабельной деятельности есть маленький болторез, но не исключаю, что понадобится более крупный. Нельзя резать то, что под током, но можно – аппаратуру связи или магистрали охлаждения. Или подачи топлива, смотря по ситуации.

Все задумались.

Майкл поставил следующий очевидный вопрос:

– А кто наружу пойдет?

Джин стал размышлять вслух:

– Согласно текущему плану миссии ты, Майкл, должен на обратном пути к Земле выйти в космос и забрать пленки из внешних капсул «Персьюта»; с этим уже и так намечались проблемы из-за ограничений по весу. Придется, думаю, откорректировать это задание.

Майкл покачал головой:

– Я вынужден буду заниматься пилотированием «Персьюта», подбираясь близко к «Алмазу». Не могу же я одновременно в космосе гулять.

И стало видно, как он осознает следствия из сказанного: в открытый космос в ходе миссии ему теперь не выйти.

Джин кивнул:

– Согласен. Остаются Люк и Чад. Не думаю, что у нас хватит поглотителей углекислого газа в загашнике, чтобы вас обоих послать, а Майклу потребуется помощь при маневрировании. – Он окинул взглядом обоих, просчитывая в уме плюсы и минусы.

Заговорил Эл Шепард:

– Это должен быть Люк. Майкл – пилот командного модуля, а Чад, командир экспедиции, обязан оставаться внутри и следить, чтобы все прошло без сучка, без задоринки.

Лицо Люка хранило предельно непроницаемое выражение, Каз и примерно не догадывался, о чем тот думает. На его месте Каз бы испытывал возбуждение, смешанное со страхом в равной пропорции.

Чад уставился на Эла, выпятив челюсть:

– Не нравится мне это. Третья перемена графика, а до старта менее четырех недель! Нет времени толком сымитировать на тренажере маневрирование в такой близости от «Алмаза» и составить и проработать новые протоколы. Ну, конечно, если мы хотим обосраться, еще не выбравшись с земной орбиты, то все делаем правильно!

Эл кивнул с серьезным видом:

– Ты прав. И возможно, что обезвредить советскую шпионскую станцию у вас не получится. Но, по правде говоря, именно для таких операций изначально разрабатывалась программа MOL, и именно поэтому вы трое, с военным прошлым, выбраны для этого задания. Приказы отдаются в Объединенном комитете и Белом доме.

Он по очереди посмотрел на каждого:

– Теперь этому заданию присвоен высший приоритет. Требуется как минимум провести фотосъемку станции вблизи, получив высококачественные снимки. При некоторой удаче Люк сумеет повредить «Алмазу» достаточно сильно, чтобы американские секреты еще какое-то время оставались недоступны Советам.

Джин прибавил:

– Для полетов по программе «Джемини» разрабатывались протоколы быстрого контакта с недружественными целями, а в миссии «Аполлона-9» выполнялись маневры и выход в космос на орбите. «Железо» симуляции все еще хранится на месте, так что при надобности мы соорудим достаточно правдоподобную среду тренировок. Без красивостей, но к сроку поспеем.

Каз счел своим долгом озвучить фундаментальную причину для беспокойства:

– Мы сейчас рассматриваем совершенно секретные фото. Изменения тренировочного процесса также должны оставаться в полном секрете. Никакой утечки в прессу насчет вылазки на «Алмаз».

Джин ответил:

– Все верно, я сокращу численность группы техподдержки до минимума, телевизионщиков и гостей не подпущу. – Он поразмыслил. – Во Флориде соберутся зеваки понаблюдать за стартом, это неизбежно, однако, думаю, потом лучше весь полет засекретить, а не только маневры вокруг «Алмаза». Пиарщики НАСА и представитель ВВС примут огонь на себя, сославшись, если потребуется, на соображения национальной безопасности.

Вид у Чада по-прежнему был такой, словно он съел что-нибудь несвежее.

– Мы это сделаем. Но когда доберемся туда, я в любом случае заставлю Майкла удерживать «Персьют» на безопасном расстоянии до тех пор, пока мы четко не поймем, что нам под силу, а что нет. Если выяснится, что мы не в состоянии выполнить задание, придется всем заинтересованным лицам ограничиться новыми красочными фото в папке Каза, и точка.

Когда совещание объявили закрытым, Чад встал первым, а Люк и Майкл последовали за ним к двери.

17

Эллингтон-Филд

«Аполлону-18» оставалось восемнадцать дней до старта. Пора было перебираться из Техаса во Флориду; астронавты туда летали самостоятельно.

Чад, пристегнутый к катапультному креслу бело-голубого Т-38, наклонился влево, высматривая руководителя наземной группы техподдержки, и, вскинув правую руку над кокпитом, покрутил пальцем. Майкл и Люк в своих самолетах, заметив его жест, поступили аналогично.

Техники припарковали установки наддува, прозванные «пуферами», рядом с тремя Т-38 и подключили их длинными шлангами через дверцы в подбрюшьях самолетов. Реагируя на жест, они вывели пуферы на максимум, и воздух под высоким давлением начал поступать в двигатели Т-38, раскручивая турбины. Как только каждый двигатель вышел на достаточно высокие обороты, пилоты перевели их на холостой режим, чтобы топливо начало поступать в камеры сгорания. Заискрили свечи зажигания, смесь топлива с воздухом воспламенилась, турбины завертели еще стремительней, засасывая еще больше воздуха в патрубки. Техники на земле отсоединили пуферы, после чего двигатели заработали в нормальном режиме.

Каз, не упустивший возможности авиастопа на мыс Кеннеди, сидел за спиной Чада и смотрел, как светится приборная панель. Доктор Мак-Кинли, старший медик экспедиции, сопровождал Люка, а на заднем сиденье кабины Майкла расположился армейский фотограф, который уже приготовил камеру и начал снимать подготовку к взлету.

Чад глянул на двоих коллег: оба подняли оттопыренные большие пальцы.

– Башня Эллингтон-Филд, это НАСА-18, – сказал он в микрофон, – летим втроем, готовы таксануть на старт.

Люк и Майкл на миг шелкнули кнопками микрофонов, и Каз услышал два быстрых сигнала-чирпа – все на той же частоте.

– Доброе утро, рейс НАСА-18, альтиметр на 30,12, транспондерный код 3210, полоса расчищена, 35-я левая. Удачного космического полета.

– Прием. 30,12, 35-я левая, код 3210. Спасибо. Справимся.

Все три пилота подняли обе руки и выставили вперед большие пальцы, давая команду техникам откатить колодки. Безопасно переместившись за кромки крыльев, техники вытянулись по стойке смирно и отдали честь. Летчики тоже козырнули, налегли на рычаги и покатали вперед.

Люк последовал за Чадом, за Люком – Майкл, каждый под небольшим углом к напарнику, чтобы не задело выхлопом двигателя. Покинув пандус, они повернули направо тесной группой и устремились по аэродрому к 35-й левой полосе.

Каз сидел тихо и наблюдал. Некоторые пилоты любят поболтать, но Чад держался подчеркнуто деловито. Они достигли широкого участка асфальта в конце полосы, и два других самолета подтянулись к ведущему. Каз посмотрел вбок на Дж. У. Несмотря на шлем, дыхательную маску и очки, широкая улыбка доктора была вполне заметна, и Каз понимал, о чем тот думает: этот экипаж полетит к Луне, а Дж. У. в самой гуще событий.

Чад наклонился глянуть на Люка с Майклом и увидел, как оба кивают. Предвзлетные проверки завершены, все готовы.

– Башня Эллингтон-Филд, это НАСА-18, летим втроем, готовы к старту с 35-й левой.

– Прием, НАСА-18. Ветер 350 на одиннадцать часов, старт разрешаем. Удачи.

Чад дважды шелкнул кнопкой микрофона, закрыл кокпит и вывел трио на полосу. Люк поравнялся с его правым крылом, а Майкл – с левым; оба вскинули большие пальцы, достигнув намеченной позиции. Чад покрутил пальцем, словно будильник заводил, и коллеги пере-

двинули рычаги управления, выводя двигатели на почти максимальную тягу – совсем немного не хватало до форсажа. Поглядев влево-вправо, Чад вскинул подбородок и опустил его. По этому сигналу три пилота сняли ноги с тормозов и вывели рычаги на максимум, до упора. Максимальная тяга на старте.

Двигатели J-85 откликнулись моментально. Посыпались искры, и в форсажных камерах, словно в огромных сварочных аппаратах, возгорелось золотисто-желтое пламя; языки его вырвались через хвостовые сопла. Тяга достигла шести тысяч фунтов, и самолеты начали разгоняться по полосе.

Чад немного отвел рычаг, оставляя напарникам некоторый страховочный зазор, чтобы они равнялись по его крыльям. Анемометр быстро перескочил за сто сорок узлов, Чад отклонил штурвал, и нос самолета повернулся к небу. Каз покосился на Люка с Майклом: они делали то же самое. На ста шестидесяти узлах тонкие короткие крылья истребителей создали достаточную подъемную силу, чтобы оторвать главные шасси от полосы. Чад помедлил пару секунд, потом снова взялся за рычаг управления двигателем и рукоятку управления закрылками. Внимательно наблюдая за его движениями, двое других пилотов сделали то же самое. Они следили, как шасси соседних аппаратов аккуратно убираются в корпус, а дверцы люков со щелчком заходят на места.

Трансформация завершилась: Т-38 из неуклюжих стесненных наземных зверей стали птицами вольного полета и начали ускоряться в своей естественной среде обитания – воздушной.

Экипажи расслабились на своих сиденьях, без труда сохраняя плотную формацию; треугольник ревущего металла взбирался в небо южного Хьюстона, взяв курс на восток-юго-восток. На мыс Кеннеди – и к старту.

* * *

Они прекратили набирать высоту на тридцати семи тысячах футов; искристые голубые воды Мексиканского залива остались далеко внизу, Люк и Майкл развели самолеты в стороны, разбив плотную группу. Автопилота на Т-38 не было, постоянные поправки на скорость ветра, высоту и курс требовалось вносить вручную, а это утомляло. Вскоре Чад спросил:

- Каз, полетать хочешь?
- С радостью.

Каз аккуратно положил руки на штурвал и рычаг управления двигателем, покосился для ориентировки в разложенную на коленях навигационную карту.

- Отлично, спасибо. Передаю управление.
- Принял.

Словесное подтверждение сделали обязательным после того, как в нескольких рейсах контроль над самолетом был потерян – каждый из напарников по кабине думал, что управляет сосед. Каз в качестве вторичного подтверждения едва заметно тронул штурвал и почувствовал, как Т-38 дернулся в ответ.

Разговоры в двухместной кабине реактивного самолета получаются сюрреалистичными и рваными, но удивительно личными: им не мешают даже фоновые шумы налетающего воздушного потока и турбореактивных двигателей вкупе с постоянным бубнежом наземных диспетчеров. Оба смотрят вперед, так что не видишь, когда начинает говорить напарник: слова просто возникают в твоём шлеме, как если бы это были твои личные мысли.

Мысли же Каза были о полете, а еще о Лоре, и тут голос Чада вырвал его из раздумий:

- Казимирас Земекис – необычное имя. Откуда происходит твоя семья?

– Из Литвы. Литваки, литовские евреи, поэтому и имя такое. Я родился в Вильнюсе в самом начале войны, моя семья спаслась бегством и сумела добраться до Нью-Йорка. – Недол-

гая пауза; оба прислушивались к приглушенным звукам полета. Каз добавил: – Хорошо, что они так поступили. К 1942-му нацисты истребили почти всю общину литваков, семьдесят пять тысяч.

– Так ты еврей?

– Да, но не практикую веру.

Почему Чад об этом спрашивает? Каз попытался перевести разговор на более приятную тему:

– Моя матушка продолжает надеяться, что я встречу еврейскую красотку, которая меня наставит на путь истинный.

Наземная служба уведомила о смене частоты: их передавали из Хьюстона в Новый Орлеан по мере продвижения на восток. Утреннее солнце светило ярко, слепило Каза, и он был вынужден опустить на место темный козырек.

– А еще евреи в программе есть?

Каза вопрос ошеломил. На темы вроде религиозных астронавты общались редко. Ну да, экипаж «Аполлона-8» в канун Рождества зачитывал по радио отрывки из Книги Бытия, возвращаясь с Луны, а Базз Олдрин провел службу, когда находился на лунной поверхности. Но разве в кабине реактивного самолета о таком спрашивать?..

– Гм. Если и есть, я о них не знаю.

Казу было известно, что Чад рос на Среднем Западе. Откуда вообще у него интерес к таким вещам?

– В советской программе один еврей нашелся, – сказал Чад. – Борис Воынов. Он проходил тренировку для полета на «Восходе» в 1964-м, его исключили было, но в 1969-м он все же полетел.

Каз потряс головой. Почему это вдруг обретает важность? Зачем Чад вообще обратил на это внимание?

– Ха, – откликнулся он, – а я и не знал.

Чад продолжал:

– Тебе когда-нибудь в чем-нибудь отказывали из-за твоих еврейских корней?

– Не-а. – Каз исполнился решимости свернуть разговор. – Я просто пытался везде первенствовать, чтобы мне никто не мог отказать. И вот я здесь, в одной кабине с командиром «Аполлона» лечу на старт!

Чад что-то проворчал себе под нос и замолк.

Каз мысленно приказал себе выяснить, не пристаёт ли Чад с подобными неуместными расспросами к Люку и Майклу. Чад – великолепный пилот, но, возможно, реднек чуть больше, чем надо.

Слева под ними потянулись длинные раздерганные нити дельты Миссисипи, сеть наносных песчаных перекатов, напоминавшая с высоты куриную лапку, протянутую в Мексиканский залив. Каз слегка накренил южное крыло, выдерживая курс вдоль воздушного потока на ста угловых градусах. Заговорил Майкл:

– Эй, босс, фотограф хочет снимки нашей группы на фоне Нового Орлеана. Вы двое не против подлететь ближе, а мы покрутимся, хорошие ракурсы поищем?

– Конечно, – ответил Чад.

Люк подлетел ближе, сомкнув группу. Каз наблюдал, как Майкл перемещается на своем самолете, а фотограф делает снимки с разных ракурсов. На полпути через залив фотограф удовлетворился.

Чад снова принял управление у Каза, когда они вошли в зону тонких перистых облаков, и дал напарникам сигнал держаться теснее.

Пролетая над побережьем Флориды, Чад настроился на частоту операторов НАСА, убавил громкость, чтобы перестало фонить, и произнес:

– Говорит рейс НАСА-18. Мы в ста двадцати милях. Через пятнадцать минут будем.
Ответ царапнул по ушам примесью статических помех:

– Доброе утро, рейс 18, мы готовы принять вас, погода хорошая, вам выделена полоса 31.

– Вас поняли. Спасибо.

Чад переключился обратно на частоту диспетчерской службы и запросил разрешения снижаться. Под ними быстро прокатывалась Флорида; команда сосредоточила внимание на удерживании тесной группы при пролете через облака, то выныривая, то погружаясь в них, ведь самолеты на скорости чуть ниже звуковой очень норовисты. Пролетели над Орландо и снова переключились на частоту НАСА.

– Говорит рейс 18, мы будем у вас в пять. Хотели бы пару раз пролететь над мысом, нам фото нужны. Потом вернемся и зайдем на посадку к 31-й.

– Вас слышим, рейс 18, трафика нет, разрешаем.

Чад сбавил высоту над островом Мерритт и здоровенным комплексом Космического центра имени Кеннеди. Каз вгляделся вперед, в сторону побережья, и заметил черно-белую громаду «Сатурна-5» рядом с оранжевым каркасом стартовой кабель-заправочной башни.

Майкл слегка оторвался от группы, чтобы фотограф мог сделать снимки в оптимальном ракурсе, пока самолеты неслись над космодромом, в паре сотен футов над пятисотфутовой башней. Они заложили широкий колоколообразный левый разворот в сторону Атлантики и вернулись для второго прохода.

Топливо в баках почти закончилось, и Чад полетел вдоль берега, заходя на глиссаду к 31-й полосе. Помахал Майклу, чтоб тот сместился подальше, а самолеты построил в правом эшелоне, словно три пальца его правой руки. Они пронеслись плотной группой над побережьем, совсем низко над ВПП, и Чад заложил резкий поворот вверх и влево над небольшой толпой техников НАСА и журналистов, которая ожидала их. Люк сосчитал «тысяча один» и увел самолет влево, следом за ним, Майкл повторил его действия с идеальной синхронизацией. По очереди они замедлялись, выпускали шасси и закрылки по ветру, а потом один за другим опускались на десятитысячфутовую полосу.

Чад замедлился так, чтобы остальные смогли его догнать и одновременно затормозили перед зрителями. Аккуратно припарковались, трое в ряд, и по кивку Чада вместе поставили рычаги в положение «ВЫКЛЮЧЕНО». Турбины вскоре остановились, пилоты во внезапной тишине открыли фонари кабин. Начали стягивать перчатки и шлемы, радуясь дуновениям соленого флоридского бриза.

Они прибыли в назначенное место. Их ждала нацеленная в небо ракета.

18

Байконур, Казахская Советская Социалистическая Республика

Река Сырдарья петляет на протяжении тысячи четырехсот миль: начинаясь с истока высоко в киргизских горах Тянь-Шаня, она держит путь по южным степным равнинам Казахстана, пока не впадает наконец в широкое Аральское море. За подпитываемые ледниками верховья ее под ажурной отражающей сеткой ила с глетчеров сюрреалистичного бледно-голубого оттенка древние персы прозвали Сырдарью Жемчужной рекой. Но когда ее течение сужается и начинает извиваться среди городков, резервуаров и бесконечных сельскохозяйственных арыков, воды приобретают плотный, непрозрачный, маслянисто-коричневый окрас. Эти-то мутные, ничем по цвету не примечательные воды несет змеящаяся река, чтобы утолить жажду двугорбых кочевых бактрийских верблюдов.

На реке часты ледовые заторы и весенние паводки, она выплескивается из берегов, разносит ил по окрестным серым землям, превращая их в богатые, плодородные, коричневые. Казахские крестьяне трудятся на берегах, сеют и собирают урожаи, выпасают овец, скот и лошадей. Слово из их языка, относящееся к плодородным приречным землям, стало названием города, основанного в длинной излучине реки.

Байконур. Богатая коричневая долина.

Но не одни лишь речные воды прибывали с востока. Вторжение Золотой Орды Чингисхана и завоевание ею этой области оставили хорошо заметные следы: высокие скулы, темные волосы, складки эпикантуса у глаз казахских крестьян. Когда в 1906-м открылась Ташкентская железная дорога, по ней нахлынула волна других покорителей – с северо-запада: круглоглазых бледнокожих русских.

В 1955-м бескрайние просторы этой южной земли привлекли внимание руководства советской космической программы; главный конструктор Сергей Королев приказал заложить здесь космодром Байконур⁷. Новое слово, изобретенное для абсолютно новой идеи. Не просто аэродром, а *космодром* – врата космоса.

Всего через два года с байконурского стартового стола с ревом вознеслась ракета, доставившая на орбиту «Спутник-1», и желтое пламя, вырываясь из ее дюз, отразилось в водах Сырдарьи. А через шесть лет – космический корабль «Восток», на котором Гагарин облетел мир за сто восемь минут.

Но с того триумфального дня миновало больше десяти лет, советское космическое доминирование оказалось поколеблено, а решимость руководителей в далекой Москве увяла. Даже первый выход в космос, совершенный космонавтом Алексеем Леоновым, вскоре затмила высадка американцев на Луну.

Нынешний главный конструктор и директор ОКБ-52 Владимир Челомей мгновение созерцал, устремив взгляд вдоль длинного острого носа, свои кожаные выходные туфли, потом затянулся сигаретой и ощутил приветственное покалывание кислого дыма глубоко в легких.

---

⁷ Так у автора. В действительности Сергей Королев не принимал никакого участия в выборе места под строительство полигона для испытаний перспективной межконтинентальной ракеты Р-7 у железнодорожного разъезда Тюра-Там в Казахстане. Этим занималась Государственная комиссия во главе с генерал-лейтенантом артиллерии Василием Вознюком. Кстати, название «космодром Байконур» полигон получил только в апреле 1961 года, после полета Юрия Гагарина. Настоящий Байконур находится в 280 километрах на северо-восток от разъезда Тюра-Там, в отрогах хребта Улытау.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.